

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Роберт Шекли
Первая жертва
Серия «Фантастика:
классика и современность»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68250685

Первая жертва: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-136186-0

Аннотация

«Первая жертва». В конце XXI века цивилизация пребывает в состоянии, близком к агонии. Войны и неконтролируемое загрязнение окружающей среды привели к тому, что урожаи скудны, промышленность еле дышит, а население объято унынием и не видит ни малейшего просвета впереди. В чью-то светлую голову приходит идея создания грандиозного шоу – арендованный картелем богачей карибский остров Аркадия становится местом проведения смертельной Охоты. Любой гражданин из любой страны мира может принять в ней участие – как в качестве охотника, так и в качестве жертвы. Выигрыш – десятки тысяч долларов и всемирная слава, сравнимая со славой звезд Голливуда. И вот обычный парень из крохотного поселка в Аризоне отправляется на Аркадию попытать счастья.

Кроме «Первой жертвы», в состав сборника входит «Человек за бортом», а также повести «Майрикс» и «Охотники каменных прерий», события которых происходят во вселенной, созданной Айзеком Азимовым.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Первая жертва	8
Правила охоты	8
Пролог	9
1	12
2	14
3	16
4	19
5	23
6	28
7	33
8	39
9	43
10	45
11	48
12	52
13	58
14	61
15	65
16	69
17	74
18	77
19	83
20	88

21	95
22	101
23	107
24	111
25	116
26	118
27	120
28	125
29	127
30	130
31	135
32	139
33	141
34	145
35	151
36	156
37	158
38	163
39	165
40	168
41	172
42	176
43	179
44	182
45	184
46	187

Роберт Шекли

Первая жертва

Robert Sheckley

THE MAN IN THE WATER

CARHUNTERS OF THE CONCRETE PRAIRIE

MYRYX

VICTIM PRIME

© Robert Sheckley, 1961, 1987, 1989, 1990

© Перевод. И. Непочатова, 2021

© Перевод. Н. Рейн, наследники, 2020

© Перевод. С. Трофимов, 2021

© Перевод. Н. Виленская, 2021

© Издание на русском языке AST Publishing, 2022

Первая жертва

Правила охоты

Охота открыта для любого человека, достигшего восемнадцати лет, независимо от пола, расы или религии.

Каждый записавшийся обязуется пройти цикл из десяти дуэлей: пять раз как жертва, пять как охотник.

Охотник получает имя, адрес и фото жертвы.

Жертву уведомляют только о том, что на нее охотятся.

Заменять охотника или жертву другим лицом запрещается.

Убийство посторонних лиц карается по закону.

Десятикратный победитель получает практически неограниченные гражданские, финансовые, политические и сексуальные права.

Пролог

Охота, впервые организованная в начале 1990-х, прошла с тех пор целый ряд стадий.

В ее основе лежит милая человеческому сердцу идея: исправление чего-то плохого с помощью узаконенного насилия.

В те первые годы каждый хотел быть охотником и никто – жертвой. Социальные и психологические бонусы для жертв ввели позже, в промежуточный период, когда пары охотник – жертва начали составлять компьютеры методом случайного выбора.

Ввиду недостаточного числа добровольцев Ассоциация Охотников выбирала первые жертвы из групп, так или иначе причастных к насилию. В основном это были отряды смерти и террористические ячейки разного толка, то есть агрессоры, сами практически не подвергавшиеся агрессии.

Поэтому Охотничий Комитет не считал тогда нужным предупреждать жертву заранее, как стало принято после.

Это противоречило этике Охоты, но Ассоциация вопреки собственным убеждениям вынуждена была искать «мотивированных киллеров», способных довести дело до конца.

Таковыми и были все тогдашние охотники. Мало кто в то время признавал чистоту Охоты, ее суровую этику. Понадобился целый век, чтобы придать Охоте окончательную эсте-

тическую форму и выработать правила, где личные мотивы не фигурировали.

Лишь теперь мы видим, каким трудным был этот путь. Видим, как зарождались современные взгляды, видим стремление к идеальной чистоте, видим, как сознательное намерение убивать, чтобы не быть убитым, определило наше место в великом колесе всего сущего. Даже тогда, на заре Охоты, ее основные принципы были уже в ходу: например, выплата премий из фондов, учрежденных богатыми либералами, или использование егерей для нахождения охотника или жертвы. Комитет старался вести себя по возможности беспристрастно даже в те ранние дни «справедливых убийств».

Тогда уже обозначилась долгосрочная цель Охоты: прекратить войны, предложив человечеству взамен смертельные поединки как панацею от всех его бед. Теперь война представляется нам столь же немислимой, какой казалась Охота в 1990-х.

В промежуточный период, во время кратковременного расцвета Эсмеральды, только что принятые новые правила были еще достаточно гибкими. Объясняется это тем, что Охота была тогда легализована исключительно в карибской островной республике Эсмеральда, где она не только являлась национальным видом спорта, но и приносила основной доход государству. Туристы стекались на остров со всего света – кто поохотиться, кто просто понаблюдать. Международная аудитория жадно смотрела знаменитые Охотничьи Иг-

ры с кульминационной Большой Раздачей, получая удовольствие от гибели кого-то другого.

Охотникам того времени приходилось мириться с тем, что Охоту одобряли не все. Большинство населения она в какой-то степени привлекала, но силы закона и правопорядка не признавали ее и преследовали участников. Полиция многих стран относилась к охотникам как к обычным преступникам.

Теперь, по прошествии веков, мы заново открыли способ держать человеческие страсти в узде – способ, издревле известный природе. Она делает это, убивая людей.

В литературе двадцатого и двадцать первого веков часто встречаются одинокие, несчастные персонажи, влачащие свою бессмысленную жизнь до глубокой старости. В наше время их больше нет: старики долго не заживаются. Им не хватает сил и проворства увернуться от выстрелов, поливающих наши улицы подобно былому дождю.

Дети, напротив, быстро учатся избегать огня.

Никто больше не вопрошает: «Когда же прекратятся эти убийства?» Все понимают, что прекратятся они, только когда остановится сама жизнь.

1

На сентябрьском собрании жители Кин-Вэлли в штате Нью-Йорк постановили выдать Гарольду Эрдману лучший городской револьвер, винтажный «смит-и-вессон» сорок четвертого калибра, чтобы он мог поохотиться на острове Эсмеральда.

Выбрали Гарольда потому, что он вызвался сам, не имел близких родственников, был холост, здоров, хорошо умел драться и готов был выполнить свою часть сделки, то есть передать городу пятьдесят процентов призовых денег – если, конечно, выживет.

Сначала ему предстояло доехать до Майами, то автостопом, то на автобусах. У него еле-еле хватало, чтобы долететь оттуда до Эсмеральды в юго-восточной части Багамских островов, где разрешалась Охота. Поездка между штатами Нью-Йорк и Флорида считалась крайне опасной. Говорили, что там повсюду рыщут шайки бандитов, жестоких и кровожадных. Кроме того, на пути встречаются заброшенные районы с промышленными свалками, до сих пор изрыгающими ядовитые газы, как будто сама земля стремится очиститься от химикатов и радиации. Такое излучение убивает человека на месте. А если благополучно минуешь все эти ужасы, остаются еще южные города, чьи совершенно озверевшие обитатели грабят, убивают, а порой и едят пришлых.

Ходило много таких баек, в которых, как известно, всегда присутствует доля правды, но Гарольда они не слишком пугали. Он готов был многим рискнуть, лишь бы выбраться из умирающего городишки в напрочь отравленных Адирондакских горах и хоть что-то совершить в своей жизни. Единственным его шансом была Охота.

Гарольд двигался легко для своих внушительных габаритов и был проворнее, чем казалось с виду. Этаким дружелюбный деревенский паренек, круглолицый, с приветливой улыбкой и все подмечающими глазами. Физиономия небритая, давно не стриженные черные волосы падают на воротник поношенной клетчатой куртки. Перед отъездом ему исполнилось двадцать восемь, и больше всего он походил на медведя, разбуженного до окончания спячки – большого, сонного и довольно симпатичного. Хороший пример того, как обманчива может быть внешность.

2

– Значит, едешь все-таки, – сказал Аллан.

Гарольд кивнул. Разговор происходил через час после городского собрания; они вместе поели и теперь сидели на передней веранде дома Аллана на Еловом Холме. Солнце понемногу опускалось за горы.

Аллан, лучший друг Гарольда, тоже хотел бы отправиться на Охоту, но не мог бросить мать и двух младших сестер – без единственного кормильца они бы просто не выжили. Хорошо Гарольду, у него никого из родных не осталось. Мать умерла от туберкулеза, когда ему было пятнадцать, а молчаливый суровый отец вскоре после этого ушел искать работу на юге, и больше о нем не слышали.

– Говорят, на Карибах тепло круглый год, – сказал Аллан. – И все удобства у них там, как в тех старых журналах в школе. Ванне с горячей и холодной водой. В ресторанах все натуральное. Люди хорошо одеваются и живут припеваючи.

– Потому что у них только и дел – убивать друг дружку, – заметил Гарольд.

– Да, не очень трудно, должно быть.

– Не знаю, я никого пока что не убивал, – сказал Гарольд. – Но думаю, что сумею.

– Главное, чтоб тебя самого не убили.

– Слыхал, да.

– И Нору там встретишь.

Гарольд кивнул. Нора Олбрайт и еще четыре девушки уехали из Кин-Вэлли два года назад, когда между Монреалем и Нью-Йорком еще ходили автобусы с остановкой в Платсберге. Красивым девушкам всегда легче найти работу, пусть и не очень престижную, чем мужчинам. Богатые иностранцы, особенно азиаты, любят нанимать в домработницы хорошеньких американок, как американцы когда-то нанимали хорошеньких англичанок и немок. Спутницы Норы устроились где-то на юге Штатов, но она добралась до самой Эсмеральды, живущей по законам Охоты, и регулярно присылала деньги домой.

– Ты там береги себя, ладно? – сказал Аллан.

– Ага.

– И передавай Норе привет от меня.

– Обязательно.

Они посидели еще немного, глядя, как заходит солнце, уступая место холодным сумеркам. Красивы вечера в Адирондакских горах. Гарольду подумалось, что он, может быть, никогда больше не увидит такого заката. Многие увидит, но не такой.

Он покинул Кин-Вэлли на следующий день, имея при себе «смит-и-вессон», тридцать четыре патрона и двести семьдесят шесть долларов семьдесят три цента, собранные ему земляками. Был еще только сентябрь, но зимний холодок уже чувствовался: на севере штата Нью-Йорк зима идет за осенью по пятам, как за сестрой-двойняшкой.

Все пожитки Гарольда уместились в небольшом рюкзаке. Револьвер он заткнул за пояс, патроны положил в правый брючный карман. В дорогу он надел свой единственный костюм из плотной, практически вечной саржи – наследство от дядюшки Люка, умершего прошлой весной от Т-вируса.

Взглянув в последний раз на горы, озаренные утренним солнцем, на не засохшие пока что деревья, он закинул рюкзак в кабину грузовика Джо Биллинга. Он еще вечером попрощался со всеми и больше назад не оглядывался.

Джо ехал в Глен-Фоллз за тракторными запчастями для кооператива фермеров. Держать старые «маккормики» на ходу становилось все трудней, а урожаи были такими скудными, что позволяли и без тракторов обойтись – но лошадей и мулов тоже хронически не хватало, а недавно приобретенные яки еще не расплодилось до нужной величины.

Человеческая близорукость в конце двадцать первого века дала о себе знать и в Америке. Леса исчезли, зерновые

гибли на корню. Сельскую местность заполнили свалки токсичных отходов, на месте которых почва больше не восстанавливалась. Воздух и тот был отравлен. Всеобщее разорение лишало людей работы. Машины и механизмы для их ремонта выходили из строя, да и ремонтировать больше никому ничего не хотелось.

Холодная война никуда не делась, и одни страны потрясали перед другими оружием, но всем было уже все равно. Хоть бы скинули уже свои проклятые бомбы и покончили с этим, думали люди. Лучше уж сдохнуть поскорей, чем так жить. Конец пришел старушке Земле.

Зря леса и джунгли повывернули. Зря не приняли вовремя мер против кислотных дождей. Гарольд в свои двадцать восемь еще помнил Адирондакские горы зелеными. Лет пятьдесят назад правительство спохватилось, но экология требовала огромных средств, которых у него не было. Земля может вынести многое, но человек перешел все мыслимые границы.

В пустошах на месте прежних лесов почти не осталось животных. Первой погибла крупная дичь, как в Америке, так и в Африке, а затем все хрупкое экологическое равновесие затрещало по швам. Некогда плодородные прерии и саванны сохли, превращаясь в пустыни, и пыльные бури гуляли по ним. Стихийные бедствия следовали одно за другим. Начались повальные эпидемии гриппа и прочих вирусов. Оставшиеся в живых пытались как-то держаться, но никто уже не

верил, что ситуация изменится к лучшему.

Каждого жителя Североамериканского континента подстерегала смерть – от голода, болезней и тех несчастий, которые человек навлекает сам на себя. Но людей, несмотря на все это, до сих пор оставалось больше, чем могла прокормить земля, – слишком уж много их развелось. Вымирание казалось неизбежным, но легче от этого не становилось.

Именно неизбежность, как ни парадоксально это звучит, и привела к открытию охотничьих угодий, где люди аплодировали смерти, платили другим за участие в смертоносном действе и награждали победителей.

После Глен-Фоллз Гарольд путешествовал автостопом. Сначала его подвез продавец галантерейных изделий на паромобиле «Стэнли». Они ехали мимо голых полей с торчащими из-под земли камнями, переставших родить с тех пор, как химия вкупе с радиацией превратили озеро Шамплейн в сточную яму, а Гудзон убили совсем.

После заката коммивояжер высадил Гарольда на перекрестке дорог близ Честертауна, среди покрытых стерней нив и кривых сосенок. Гарольд решил устроиться на ночлег прямо тут: голосовать в темное время ему не рекомендовали. Вечер был теплый, и провизия у него имелась – вяленая говядина и канистра с хорошей водой. Он отыскал не видную с дороги, укрытую от ветра лощинку, но его все равно, должно быть, заметили. В сумерках на гребне холма показались трое мужчин с собакой.

Двое бородатых, мелких и щуплых, в надвинутых на глаза шляпах, в бесформенных серых лохмотьях. Третий здоровенный, больше даже, чем Гарольд, в потертых джинсах и фуражке, как у солдата Гражданской войны. Кривая ухмылка наводила на мысль, что он опасен и, скорей всего, не в своем уме.

Собака вроде пойнтера, белая с черными пятнами, оскалилась при виде Гарольда, но не издала при этом ни звука.

– Спокойно, Дилси, – сказал человек в фуражке. – Она не кусается, мистер, только птиц вспугивает.

– Славная собачка, – сказал Гарольд, сидя спиной к дереву с рюкзаком в ногах.

– Нездешний, видать? – спросил здоровяк.

– Да, я с севера, из-под Кина.

– Хотите тут поселиться?

– Нет, дальше иду, на юг.

– И правильно. Тут ловить нечего с тех пор как Т-вирус прошел.

– Да, слышал.

Щуплые сели по бокам от него, футах в пяти, здоровяк – к нему лицом.

– Может, ты во Флориду наладился порыбачить?

– Может, и так, – сказал Гарольд.

– Забудь, рыба вся плавает кверху брюхом. Раньше на юге можно было от земли прокормиться, а теперь нет, правду тебе говорю. Лучше тут оставайся, будешь с нами ходить. Это вот Карл, это Дэйв, его брат, а я буду Тэг Сандерс.

– Очень приятно, мистер Сандерс. Я Гарольд Эрдман. Спасибо за любезное приглашение, но я уж дальше пойду.

– Ну как хочешь. Поздно уже, так что будь добр, кинь сюда рюкзак и карманы выверни. Разойдемся по-хорошему и раздевать тебя не станем – честно ведь, нет?

– Вполне, Тэг, но мне все это самому надо.

– Все так говорят, – вздохнул Тэг. – Мне, мол, самому на-

до – а нам с ребятами что ж, не надо?

– Попробуйте с кем-то еще.

– Сдается мне, что нас трое, а ты один, хоть и здоровый мужик. Я ж с тобой вроде вежливо, и одежду тебе хотел оставить, и жизнь. Так ведь, ребята? Но некоторых просто не учили хорошим манерам. Значит, так: или отдавай рюкзак и то, что в карманах, или мы сами возьмем.

Братья потихоньку подбирались с боков. Гарольд встал, и револьвер у него в руке сверкнул синей сталью в сумерках.

– Нет уж, – сказал он. – Я при своем останусь, а вы при своем. Это лучшее, что я могу предложить. Поднимайтесь и убирайтесь.

Тэг и братья подались назад, но «смит-и-вессон», как видно, не сильно их испугал.

– Теперь все с пушками ходят. Она хоть заряжена у тебя?

– Вам лучше не выяснять, – сказал Гарольд.

– Ишь, крутой какой, – засмеялся Тэг. – Чем круче, тем меньше патронов. Дилси!

Собака прыгнула и получила пулю в грудь. Она билась на земле и скулила, пока Тэг не перерезал ей горло складным ножом.

– Бедняжка Дилси. – Он вытер нож о траву и встал. – Она у нас для проверки была, заряжено или нет. Ты первый, кто выпалил. Ну так как, есть еще патроны?

– Есть, есть. Темнеет уже, Тэг, шли бы вы. Неохота боеприпасы тратить. – Гарольд навел револьвер.

– Эй, погоди!

– Кругом, – тихо скомандовал Гарольд.

– Ладно, сейчас развернемся – ты ж не будешь нам в спину стрелять? Все, ребята, уходим, – сказал Тэг и кинулся на Гарольда с ножом.

Путешественника это врасплох не застало. Разбойники в штате Нью-Йорк водились – не так много, поскольку грабить было особенно некого, но блеф с ними, как правило, не проходил. Зная, что мирные граждане, даже вооруженные, стреляют далеко не всегда, бандиты старались чем-то отвлечь противника и сразу же нападали. Гарольд выстрелил и попал в плечо. Старый револьвер сорок четвертого калибра сильно отдал в ладонь. Братья завопили, как будто ранили их, а не Тэга, и пустились бежать. Упавший Тэг кое-как поднялся и потрусил следом. Гарольд им не препятствовал. Для стрельбы стало слишком темно, да он и не хотел никого убивать. Зачем? Здесь за это не платят, не то что в Мире Охоты.

Он взял рюкзак и задержался над телом собаки.

– Ты уж прости, Дилси... выбора не было. Пойду поищу другое место для ночевки, не около же тебя спать.

Пройдя с полмили, он нашел другую лоцинку. В Кин-Вэлли считали, что ни на что дурное он не способен, но он решился на все и не собирался сдаваться.

На следующий день он поймал машину до Олбани. Там оказалось, что автобуса на юг надо ждать четверо суток, и он пошел на старый склад, оборудованный Армией Спасения под приют. Там давали кров и еду двум сотням мужчин и женщин, хотя супчик был жидковат. Гарольду тоже налили миску и разрешили расположиться снаружи – внутри места не было.

Наконец пришел автобус, старый «Грейхаунд», обшитый броней: бандитов и на федеральной магистрали хватало. Диспетчер сказал, что полиция штата контролирует ситуацию, но мало ли что.

Перегруженный драндулет довольно быстро и без происшествий доехал по I-95 до Сафферна на границе с Нью-Джерси и остановился у загородного депо. Вокруг, похоже, никого не было, но тут из депо выскочил маленький оборванный человек и стал молотить в дверь, крича:

– Откройте! Тревога!

– В чем дело-то? – спросил водитель, открыв ему дверь.

– Во мне, – ответил коротышка, достав большой пистолет-автомат. – Быстро все руки за голову. Будете сидеть тихо – не пострадаете.

Гарольд подчинился, как и все остальные: выхватить револьвер мешал лежащий на коленях рюкзак. Коротышка

крикнул что-то – по-испански, как вскоре выяснилось, – и в автобус залезли еще двое мужчин с такими же пистолетами. Один был в стетсоновской шляпе, когда-то серой, теперь цвета грязи, как и все окружающее. Ходить он мог только при поддержке товарища по причине кровавых бинтов на ноге. Он усмехнулся, снял шляпу и объявил:

– Добрый день, леди и джентльмены. Это ограбление. Делайте то, что вам говорят, и все будет хорошо, компренде?

Маленький и тощий, он смахивал на обезьяну, по крайней мере лицом – что скрывалось у него под лохмотьями, оставалось загадкой, – но улыбка у него была славная.

– Хуан Лопес, он же Кэтскилл-Кид, – представился он. – К вашим услугам. Думаю, вы уже поняли, что к чему. Мои ребята обойдут вас и соберут ваши ценности. Отдавайте побыстрому и постарайтесь нас не бесить. Вот ты, – сказал он, обращаясь к Гарольду.

– Что я? – спросил тот, думая, не схватиться ли все-таки за револьвер.

– Встань, амиго, и надень свой рюкзак. Пойдешь с нами, но пушку мы заберем. – Лопес извлек «смит-и-вессон» у него из-за пояса и сунул себе в карман.

– Зачем я вам нужен?

– Тебе ничего не сделают, просто будешь мне помогать.

Обчистив пассажиров, все трое вышли из автобуса вместе с Гарольдом.

– Теперь, амиго, сажай меня на свои могучие плечи и

мотаем отсюда. – Гарольд проделал это осторожно, но Кэтскилл-Кид все-таки зашипел от боли. – Чато, – крикнул он, – заводи. *Vamos, caballo!*¹ – Это уже относилось к Гарольду.

Вся банда понеслась на парковку. Чато, толстый парень лет восемнадцати, возился с мотором престарелого «Бьюика», который никак не желал заводиться.

– Ты мне это брось, – рявкнул Кэтскилл-Кид. – Чего копаешься?

– Я говорил про распределитель, – огрызнулся Чато. – Говорил про контакты.

– Ты говорил, она продержится, пока новую не найдем!

– Я думал, что продержится.

Аккумулятор, похоже, сдох окончательно. Из депо выскакивали какие-то другие люди, некоторые с винтовками.

– Валим, – скомандовал Лопес. Гарольд снова взвалил его на плечи, и они помчались к холмам за парковкой. Позади слышались выстрелы. – Черт, – простонал Лопес. – Как же ты винтовки не нашел, Эстебан? На дорогу смотри, амиго, только брякнуться еще не хватало.

Гарольд галопом шпарил в гору, ломая кусты. Лопес бережно отводил ветки от глаз скакуна, пока очередная не вышибла у него пистолет.

– Эй! Ну-ка стой!

– Забудь. – Гарольд перевалил через гребень, пронесся по лугу, перебежал через дорогу, углубился в лес и перешел на

---

¹ Трогай, лошадка (*исп.*).

рысь. Пробежав еще полмили, он остановился, ссадил Кэтскилл-Кида, забрал и сунул за пояс свой револьвер. – Можешь как-то вызвать своих ребят?

Кэтскилл-Кид кивнул.

– Так давай. Вряд ли те из депо сюда сунутся – полицию будут ждать, – но нам лучше собраться и прикинуть, что делать дальше.

Лопес сложил руки ковшиком и издал пронзительный вопль.

– Сорока, – объяснил он. – Хорошо получилось, да?

– Хорошо, если твои еще в целости.

Они были в целости и прибежали с пистолетами наготове.

Лопес жестом велел им убрать оружие и спросил:

– Когда я потерял свою пушку, ты мог бросить меня и вернуться к автобусу. Что ж не бросил?

– По двум причинам. Во-первых, ты вроде приличный парень, хоть и бандидо. Пассажиры тебя вздернули бы.

– А во-вторых?

– Когда люди в бешенстве, они сначала делают, а потом уже думают. Могли и не вспомнить, что я с ними ехал. Могли даже решить, что это я вас навел.

– Правильно понимаешь... но ты сильно рисковал, друг.

– Жизнь – рискованное дело, – согласился Гарольд.

– Хочешь, что ли, с нами пойти?

– Если вам в сторону Флориды, то я не против.

– Само собой, нам на юг, – засмеялся Лопес. – На севе-

ре голодуха. Двинем в Испанидад, это коммуна такая на озере Окичоби. Там кубинцы живут, полечат мне ногу. Только тачку надо найти. Ты как?

– Лишь бы вреда от этого не было, – сказал Гарольд.

– Это от них зависит – лично я никому вредить не намерен. Дай мне ствол, Эстебан, и пошли.

Гарольд снова поднял его на плечи.

– Andale, caballo! – И без словаря было ясно, что это значит «ходу, коняга».

6

За холмами, на второстепенной дороге близ городка Лейквилл, была заправочная станция. Молодой парень, в чей древний «Форд» только что залили бензин, не успел расплатиться: вокруг выросли пять ребят с пистолетами – четверо мелких, один большой. Заправщик мигом ретировался внутрь и дверь запер.

– Твоя машина, пацан? – спросил Кэтскилл-Кид.

– Нет, сэр. Мистера Биллинга, у него зерновой склад в городе.

– И как он, хороший мужик?

– Да ничего, – пожал плечами водитель.

– Раз ничего, то и ругаться сильно не будет. Вылазь.

Парень вылез и отдал ключи.

– А меня не возьмете?

– Да ты спятил. Бандидос долго не живут.

– А кто живет-то. Возьмите, а?

– Попробуй со следующей бандой договориться. Эта тачка больше пятерых не подымет, да плюс еще груз. Я б уже армию сколотил, если бы брал всех, кто просится, – сказал Лопес Гарольду. – И сколотил бы, да только зачем? Те, у кого есть реальные бабки, их слишком хорошо стерегут, а с бедняков что возьмешь. Йипи, поехали! Я латинский Джесси

Джеймс², детка, жалко вот ногу подпортили. Ничего, авось доберемся до хирургии.

Машины вел толстяк Чато, а Лопес был за штурмана. При помощи целой пачки карт он проложил маршрут на юго-запад, в сторону Пенсильвании. Почему туда, ведь Флорида строго на юге, поинтересовался Гарольд.

– Очень просто, детка. От так называемого Северо-Восточного коридора лучше держаться подальше. Объедем Нью-Йорк, Нью-Джерси, Балтимор, Вашингтон, Ричмонд – весь этот гадюшник. Там полиция-милиция на дорогах всех подряд останавливает. А ближе к морю радиация прет из-за чего-то, что в Нью-Джерси стряслось, когда я еще не родился. Не хочу туда лезть с моими деликатными причиндалами.

На то, чтобы пересечь Пенсильванию и попасть в Виргинию по дорогам второго плана, у них ушло почти двое суток. К ночи сворачивали на старые лесовозные дороги и спали прямо у машины. Хорошая погода держалась, еды с собой было вдоволь. Минимум раз в сутки требовалось заправиться – опасный момент. За угон их никто привлекать не станет, объяснил Лопес, у копов и без того хватает забот.

– В чем тогда проблема? – спросил Гарольд.

– Тебя просто задерживают, находят оружие, видят, что ты не местный – и все, капец.

– Тюрьма?

– Да кому оно надо, кормить нас в тюрьге. Вдоль всех до-

---

² Знаменитый американский грабитель XIX века.

рог труппы валяются, в основном бандидос.

– Слышал об этом, но не верил по-настоящему, что полиция убивает людей.

– Так поверь, детка, потому что это чистая правда.

Еще Лопес много рассказывал про Испанидад, куда они ехали.

– Я узнал про них в Юнионе, Нью-Джерси, – мы все оттуда. Коммуна, значит, около озера Окичоби. Там много коммун, но эта кубинская. Вроде израильского кибуца: совет, у всех право голоса, днем вкалывают, вечером пляшут. Так я слышал. Нормально, да? Мне подходит.

Все так же избегая федеральных дорог, они проехали Виргинию, Северную Каролину и свернули на юго-восток, к побережью. Все шло хорошо до самого Лисвилла в Южной Каролине, прямо на Береговом канале.

Они зашли в кафешку перекусить, взяли гамбургеры и жареную картошку. Городок был самый обычный, с большими старыми, местами живыми деревьями. Когда они вернулись к машине, рядом стояла полицейская тачка, и жирный небритый коп поджидал их, облокотясь на капот.

– Ваши документы, пожалуйста.

Парни показали свои национальные удостоверения, введенные некоторое время назад.

– Руки на капот, ребята, ноги расставить, – приказал коп, изучив карточку Лопеса. – Мне надо вас обыскать. – И достал служебный ствол тридцать восьмого калибра.

– А в чем дело-то? – спросил Лопес. – Мы здесь проездом.

– Просто сделайте, что велят, – распорядился коп мальчишеским альтом. – Компания, очень похожая на вас, работает по банкам на севере.

– Не грабили мы никакие банки! – искренне возмутился Лопес.

– Значит, и волноваться не о чем. Становитесь и не заставляйте повторять дважды.

– Черта с два, – сказал Лопес и выстрелил прямо сквозь карман. Коп рухнул с пулей в бедре, и началась катавасия. На улицу высыпало столько вооруженных людей, что Гарольд глазам не поверил. Можно подумать, им в Лисвилле делать нечего, как только сидеть дома с ружьями наготове. Поднялась такая пальба, что сесть в машину нечего было и думать. Гарольд и прочие шмыгнули, пригнувшись, за угол и побежали. Гарольд с Лопесом на спине держал курс к лесу вблизи от города.

– Черт! – с кровью выхаркнул подстреленный Чато. Следующим упал Маноло, за ним Эстебан. Они были уже в лесу, и Гарольд бежал дальше один, работая одной рукой и придерживая другой ноги Лопеса.

За лесом лежало болото. Гарольд одолел его, увязая по щиколотку в грязи, и остановился, не слыша больше погони.

На речке или канале, поди разбери, была привязана к мосткам лодка.

– Все, Лопес, уходим в море.

Кэтскилл-Кид молчал, глядя на мир открытыми безжизненными глазами. Он получил в спину не меньше трех пуль и спас Гарольду жизнь, чего определенно не планировал делать.

– Ах ты дьявол. – Гарольд бережно опустил Лопеса на землю. – Прости, друг, я старался. Жалко, что ты так и не попадешь в эту свою коммуну. Придется кому-то другому тебя хоронить, иначе я на Эсмеральду тоже не попаду.

Он отвязал лодку, вставил весла в уключины и отчалил.

Гарольд греб весь день. Зеленая слизистая вода, над которой нависали оплетенные плющом деревья, была совсем не похожа на прозрачные, но безжизненные озера у него дома. Грести он вообще-то не умел, но скоро прилачился. Револьвер и рюкзак остались при нем; он больше не хотел останавливаться и намеревался плыть до самой Флориды, если получится.

Вот только продвигался он медленно, делая, по его прикидке, не больше двух миль в час. Этак он целый год добираться будет, но на сушу все равно лучше не высаживаться, пока он не уберется подальше от Лисвилла.

Заночевал он в лодке, привязав ее к мангровому дереву. Назавтра доел свое вяленое мясо и поплыл дальше. Вечером доел оставшиеся припасы и лег спать тем же манером. На следующий день он стал двигаться еще медленнее: в воде, как топляки, плавали трупы. Увидев на берегу заброшенный причал, Гарольд привязал лодку к нему и пошел дальше пешком. После полудня он набрел на руины какого-то города – возможно, Саванны. Развалины тянулись на мили, и никого живого здесь на первый взгляд не было, но Гарольд понял, что в ближних домах кто-то есть: туда активно слетались грифы и воронье.

Гарольд взялся за револьвер, но вынимать его не при-

шло: из сторевавшего дома вышел старичок с опушкой белых волос вокруг лысины, в бесформенной куртке с многочисленными карманами – на вид слегка сумасшедший, но не опасный.

– Вы человек мирный? – спросил старик.

– Конечно, – ответил Гарольд, – а вы?

– Опасаться надо только моего языка – острый, что твоя бритва.

Они сели на камни возле бывшего кафе «Дикси Белль». Старик, назвавшийся Профессором, был странствующий ученый, читавший лекции во всех городах, через которые проходил, и теперь как раз направлялся в следующий.

– А по какому предмету вы читаете? – спросил Гарольд.

– Да по всем. Моя любимая тема – тридцать вторая: «Почему стабилизация человечества невозможна».

– Интересно, похоже.

– Вы смысленый молодой человек. В этой лекции я доказываю, что стабилизация означала бы конец неизвестности. Покончив с неизвестностью, человек поймет, что его существование – по крайней мере как он его себе представляет – лишено смысла. А бессмысленность существования для биологического вида смерти подобна. Есть версия, что великие индейские цивилизации Северной и Южной Америки погибли как раз потому, что осознали бессмысленность своего существования после нашествия испанцев. Они поняли, что в чем-то с испанцами никогда не сравнятся, даже близко

не подойдут. Испанцы победили их, как только прибыли в Новый Свет. Бороться с ними было бессмысленно, и цивилизации рушились. Индейцы видели в них не просто враждебное племя, а богоподобных существ. Не люди их победили, а боги.

– Против богов не попрешь, – согласился Гарольд.

– Победило их, собственно, *Weltanschauung*³ пришельцев и новая технология. Новые способы преобразования реальности.

– У вас, случайно, поесть не найдется, Профессор?

– Я хотел о том же спросить у вас.

– Тогда нам, пожалуй, пора двигаться дальше.

– Всенепременно. А в пути я могу познакомить вас с шестнадцатой темой об утрате автономии.

– Валяйте, послушаю с удовольствием.

– Люди развлекаются любовью, войной, Охотой и другими жестокими играми – чем угодно, лишь бы забыть, что они не автономны, не божественны; что они всего лишь звено в великой цепи бытия, состоящей из людей, амёб, газовых гигантов и прочего. Есть много свидетельств тому, что эгоцентристские, индивидуалистические западные расы испытывают упадок исключительно из-за погрешностей своей философии. Они придают слишком большое значение разуму, который давно уже потерпел крах и, возможно, является тупиком эволюции.

---

³ Мировоззрение (*нем.*).

– На что же нам теперь полагаться? – спросил Гарольд.

– Никто не знает, что происходит на самом деле. Вернее, мы знаем, по крайней мере на местах, но не понимаем, что это означает и означает ли что-то вообще. Мы больше не верим в миф о совершенствовании человека. Продолжительность нашей жизни никогда уже не поднимется до показателей столетней давности. Слишком много стронция в наших костях, слишком много цезия в печени. Наши внутренние часы переставлены на более короткие сроки. Наше мышление не видит из этого выхода. Нашу гордость ранит непоправимый ущерб, который мы претерпели. Мы подобны пациенту, который строит планы на будущее, умирая на операционном столе.

– Глубоко, – сказал Гарольд, – но что из этого следует?

– Что это не следует принимать слишком всерьез. Моей аудитории нравятся высокопарные обличения.

– Мне тоже нравится, как вы говорите. Разные странные картины в голове возникают. Я не знал даже, что можно думать, как вы. Для меня это все не существует вообще.

– А что же тогда существует?

Гарольд пораздумал.

– Ну, ты более-менее знаешь, что надо делать, и обдумываешь, как с этим справиться.

– Но ведь есть же в вас то, что следит за этим процессом, комментирует его и, в конце концов, возможно, оспаривает?

– Нет, ничего такого.

– Возможно, вы социопат. Человек, неспособный что-либо чувствовать.

– Это вы зря. Я много чего чувствую, просто чувства у нас с вами разные.

– Возможно, вы просто человек новой формации. – По тону Профессора нельзя было понять, серьезно он говорит или шутит.

– Это да, может быть. Давайте уже поищем какую-нибудь еду.

– Билатеральное раздвоение, – констатировал Профессор. – Слава богу, что вы не злой по природе.

Они шли через бесконечные развалины нефтезавода. Трубы заржавели, бетон на огромных площадках растрескался. Это походило на кладбище гигантских машин. Гарольд представить себе не мог, для чего они использовались и почему их требовалось так много.

Дальше начались дорожные развязки, заросшие теперь травой и даже мелкими деревьями. На шоссе 95 росли пестрые цветочки, как будто некий великан разбил здесь сад с закругленными аллеями.

Перевалив через гряду невысоких зеленых холмов, путники увидели тропу, ведущую через поле к какому-то городку.

– Мейплвуд, – сказал Профессор.

Длинное низкое строение в центре могло вместить сотни, а то и тысячи человек – Гарольд таких ни разу не видывал.

– Супермаркет, – пояснил Профессор, – неперенный ат-

рибут прежней американской жизни. То же самое, что атриум для римлян или плаза для испанцев. Место собраний, где ритуально покупают продукты и пытаются завязать романтические отношения с лицами предпочитаемого пола.

– Странно вы смотрите на вещи, Профессор. Давайте поговорим с местными, может, у них что-нибудь съестное найдется.

8

В городе били барабаны, возвещая о появлении чужих. Барабанами, древним сигнальным средством индейцев, пользовались многие изолированные американские городки. Новоявленные племена – белые, цветные и латинские – перенимали у индейцев много всего. У жителей Мейплвуда, большей частью белых, с чувством ритма обстояло неважно, но тревогу они били вполне серьезно.

– Вы пришли как раз к большой потакаве, – известил вышедший навстречу путникам городской вождь.

– Отлично, – сказал Гарольд, – а что это такое?

– Потакава в переводе с индейского – распродажа. В этот день, согласно древним традициям нашего племени, все продается за полцены.

– Вижу, мы и впрямь вовремя.

– Иноземным покупателям мы всегда рады. Вы оказываете нам честь.

– Хорошие, похоже, люди, – сказал Гарольд Профессору, когда их поселили в гостевом доме и накормили местным фирменным блюдом из опоссума, угрей и бамии.

И дом, и комната назывались Кленовыми в соответствии с именем города⁴.

– Но это ж сосна, – заметил Гарольд, постучав по деревян-

---

⁴ Мейплвуд (Maplewood) – клен (англ.).

ной стене.

– Не имеет значения, – ответил Профессор. – Дом может быть построен из любой древесины – главное, что город называется Мейплвуд.

– Век живи – век учись... Что будем делать дальше?

– Думаю, нам полагалось бы что-то купить.

– Да запросто, – сказал Гарольд.

– Купить что-то определенное, иначе они обидятся.

– Настолько, что и убить могут?

– Почему бы и нет, – пожал плечами Профессор. – Жизнь, тем более жизнь чужака, недорого стоит.

– Ну так пойдем и купим, что от нас требуется. Не знаете, что это?

– Ассортимент меняется год от года, – мрачно сказал Профессор.

Как раз в этот момент к ним заглянул вождь.

– Пора идти за покупками, – объявил он с лучезарной улыбкой.

Гарольд и Профессор пришли вслед за ним в празднично украшенный супермаркет. Вождь тоже был в праздничном племенном наряде: пиджак от Шардена с огуречным узором, брюки «Гомофилия оф Голливуд», туфли легендарного бренда «Том Макэнн». Так одевались бизнесмены для загадочных выездов в большие города, когда те еще существовали.

Полки в супермаркете были пустые. Гарольд удивился, но

Профессор напомнил ему, что это ритуал, то есть так и задумано. Настоящая торговля идет снаружи, где им предстоит сделать выбор между жизнью и смертью.

У супермаркета рядами, как на восточном базаре, выстроились ларьки из искусственных оленьих шкур, натянутых на железный, выкрашенный под дерево каркас. Перед каждым сидел, поджав ноги, торговец с женой, сыном или дочерью, выражая готовность обслужить покупателя: покупатель для индейцев – особа священная.

Товаров, выставленных на столиках у ларьков, Гарольду в магазине мистера Смита в Кин-Вэлли видеть не доводилось. Там, например, не продавались перегоревшие электролампочки, а здесь – сколько угодно. Другой ларек предлагал поломанную мебель, третий – битую посуду. Выставлены были также обрывки холста и негодные сельхозорудия. Профессор назвал бы весь этот хлам символическим, но что же тут можно выбрать?

Вопрос как раз к Профессору. Он человек образованный, должен знать.

Гарольд посмотрел на него. «Выбирай сам», – сказал ему взгляд Профессора.

Гарольд хорошо знал этот рабский, трусливый взгляд. Я, мол, боюсь, поэтому давай ты. Сунув руку в ближний ларек, Гарольд достал слегка погнутый лом фута три длиной и спросил:

– Почему?

Торговец посоветовался с вождем на непонятном Гарольду языке. Здесь, наряду с общепринятыми английским и испанским, существовал собственный диалект.

– Для вас – два доллара. – Лицо торговца являло собой карикатурную маску услужливости. – Сегодня день скидок, и вы мне нравитесь.

Горожане столпились вокруг Гарольда, доставшего бумажник из заднего кармана лоснящихся на заду саржевых брюк. Можно было подумать, они впервые видят, как человек покупает что-то. Ну да, религиозный обряд, надо с этим считаться. Профессор затаил дыхание, когда Гарольд вручил два доллара продавцу.

– Теперь ты должен ответить на вопрос, – сказал вождь.

– Я готов, – безмятежно молвил Гарольд.

– Зачем ты купил этот лом?

Гарольд, возвышаясь над толпой, взял свою покупку наперевес. Толпа отпрянула.

– Чтоб расколоть пару черепов, если кто полезет.

Все молчали, усваивая сказанное.

– Кроме того, – добавил Гарольд, – в моих краях принято покупать полезные вещи.

Помолчав еще немного, толпа испустила вздох, означающий «аминь». Гарольд произнес волшебные слова, сделавшие его, по крайней мере на время, их братом. Он сказал, что пришел из мест, где есть свои обычаи, как и в Мейплвуде.

Несколько часов спустя он уже голосовал на прибрежном шоссе и через два дня пересек границу Флориды – быстро, учитывая состояние дорог. Водители фур брали его охотно, видя, что он способен помочь с погрузкой-разгрузкой и вроде бы не опасен. Последний водитель, подобравший Гарольда у бывшей военной базы на мысе Канаверал, вез древесину и штампованные детали, которые надеялся продать или обменять на продукты. С ним Гарольд доехал до самого Майами, выглядевшего еще хуже, чем он ожидал. Вдоль Флэглера-бульвара торчали остовы сгоревших домов, оборванные прохожие перемещались с опаской. Т-вирус, как видно, собрал здесь богатую жатву. На улицах лежали тела, и даже карликовые пальмы явно устали бороться за жизнь. Грустно видеть, что на юге дела ничуть не лучше, чем на севере, но что ж тут сделаешь. Надо ехать на Эсмеральду, где можно наладить жизнь.

До нее было миль двести по морю – юго-восточные Багамы, рядом с Кубой и Гаити. Гарольд поспрашивал, и ему посоветовали гавань Диннер-Ки. Он думал, что будет отрабатывать свой проезд от одного острова до другого, но темнокожие команды рыбацких лодок по-английски не говорили и отказывались понимать его ломаный испанский. Проспав три ночи на пляже с револьвером в руке, Гарольд ре-

шился потратиться и взять билет на самолет компании «Фла-инг Кэтл», ранее занимавшейся перевозками скота.

Самолет был набит под завязку. Двое мужчин средних лет, сидевших через проход от Гарольда, дразнили третьего, «старину Эда», за намерение поучаствовать в Охоте, что он отрицал. Эд, тощий деревенский житель постарше своих товарищей, с обветренным лицом, седой гривой, в дешевом клетчатом костюме «Монтгомери Уорд», старался отвечать на подначки смехом, заметно нервничая при этом. Гарольду надоело их слушать, и он пошел в буфет, где потратился заодно и на пиво. Вскоре туда же явился старина Эд и сел рядом. Он отхлебнул из своего стакана, пожевал губу и сказал:

– Надеюсь, мы вам не очень мешали.

– Нисколько, – ответил Гарольд.

– Все время ко мне цепляются, но это они не со зла. Мы с детства друг друга знаем и по-прежнему живем приблизительно там, где и выросли – в окрестностях Сидар-Рапидс, Айова. Это ведь что-то да значит, верно? Они пристают, потому что оружие – мое хобби. Участвовал в паре состязаний «кто скорей выхватит» на Среднем Западе. Соревнуешься с роботом, конечно, не с настоящим противником. Но на Охоте, поди, мало уметь быстро выхватить. Это не для меня – я так, посмотреть.

В разговор вступили другие посетители буфета. Старик с лицом, как смятый пакет из коричневой бумаги, сказал, что

Охота на Эсмеральде – бледная копия той, что была когда-то легальна в США.

– Компьютер тогда был как бог, честный и беспристрастный. И правила тоже простые и честные. Не то что теперь, с картами предателя, картами вендетты и прочими глупостями. Меркантилизм худшего толка, и правительство Эсмеральды его поощряет. Я слышал даже, что у них некоторые дуэли договорные.

– Насчет этого сомневаюсь, – сказал другой, в белом стетсоне, с квадратным загорелым лицом. – Трудно подстроить результат, когда вооружены оба противника.

– Люди в наше время на все способны. Я, кстати, Эд Макгроу. Из Айовы.

– Текс Драз. Уэйко, Техас.

Поговорив с ними и допив свое пиво, Гарольд вернулся на место. Его мясистый сосед в гавайской рубашке спал с самого вылета из Майами, но теперь вдруг проснулся.

– Что, уже сели?

– Леди и джентльмены, – объявил в этот момент по громкой связи усталый стюард в грязном зеленом комбинезоне, – с правой стороны можно увидеть остров Эсмеральда.

Сквозь исцарапанный плексиглас Гарольд в самом деле увидел остров, темный на сверкающем зеркале моря. Он рос на глазах; его холмы поросли сосной и карликовым дубом, черные пляжи обводила белая черта пены. Вдали смутно виднелся другой остров, побольше.

– А там что? – спросил Гарольд.

– Гаити, что ж еще, – пожал плечами толстяк.

Самолет, постепенно снижаясь, разворачивался над аэропортом Моргантаун у пролива Мушуар.

Зажглись табло «Пристегнуть ремни. Не курить».

– Леди и джентльмены, – объявил стюард, – сейчас мы совершим посадку на острове Эсмеральда. Просьба погасить сигареты. Спасибо. Желаю вам хорошо провести время в Мире Охоты.

Чистенький аэропорт приятно отличался от воздушных ворот Майами. Пальмы в кадках, потолки с флюоресцентными светильниками, пастельные краски, карибские фрески на стенах. Таможенный и паспортный контроль работал быстро – прибывающие их вроде бы не особо заботили. Полицейский сделал Гарольду знак проходить, не обратив никакого внимания на его грязный пропотевший костюм, и Гарольд оказался в Мире Охоты. Выйдя на стоянку такси и автобусов, где ждали транспорта около ста человек, он пошел дальше в надежде поймать машину – а нет, так дойдет и пешком. Вскоре рядом затормозил открытый белый автомобиль.

– Если вы в город, то вам не в ту сторону, – сказал водитель.

– Вот черт. Может, подвезете?

Водитель открыл дверцу. Он был почти такого же размера, как Гарольд, но покрасивее, с типичным итальянским лицом: оливковая кожа, бархатные карие глаза, темная щетина на подбородке. Под верблюжьей спортивной курткой виднелся голубой аскотский галстук.

– Поохотиться приехали? – спросил он.

– Думаю об этом, – сказал Гарольд.

– Позвольте представиться: Майк Альбани. Меня все знают, потому что я первоклассный егерь.

– Егерь? А что это?

– Я думал, это всем известно... Мы, так сказать, авангард охотников. Поставляем все, что вам требуется: транспорт, оружие, боеприпасы – и прежде всего информацию. Выслеживаем для вас жертву и вычисляем, кто охотится на вас, когда придет ваша очередь.

– И сколько вы за это берете?

– Всего четверть вашего аванса плюс расходы. Поверьте, оно того стоит. Хотите идти по следу сами с телефонной книгой и картой острова? А кто безопасность вам обеспечит, кто найдет брешь в обороне противника? Это моя работа, и я ее делаю хорошо. Настоятельно вам рекомендую, если решите поохотиться. Можете нанять меня на час, на сутки или на всю Охоту.

– Спасибо, буду иметь в виду.

– Возможно, захотите сначала наши красоты увидеть? Посмотреть шоу, приобщиться к ночной жизни?

– По-вашему, меня пустят в ночной клуб в таком виде?

Олбани окинул взглядом саржевый костюм и рабочие ботинки с намертво присохшей джорджийской глиной.

– Может, вы эксцентричный миллионер, кто вас знает.

– Будь я таким, одевался бы как вы.

– Глядишь, и разбогатеете еще. Охота хорошо оплачивается. Куда вас отвезти?

– Даже не знаю. – Сначала он хотел ехать прямо к Норе – адрес у него был, – но потом решил, что не стоит. Он силь-

но зарос и неделю не мылся, не говоря уж о стирке. – В какой-нибудь отель подешевле.

– Тогда в «Эстреллу дель Сур», это в центре. Стоит чуть дороже, чем клоповники в Южной Гавани, но там вас хотя бы не обворуют. Разве только во сне.

– Спасибо, это полезно знать.

Они ехали по четырехполосному шоссе через равнину с мастерскими и сувенирными лавками. На щитах рекламировались отели, рестораны, масло для загара, сигареты. Пальмовые рощицы напоминали, что вы на Карибах. Такое благосостояние Гарольд видел только в телепрограммах о том, как жилось в Америке до того, как выпало днище и Мать-Природа отвоевала свое. А в Эсмеральде, столице острова, его поразили чистота улиц и отсутствие нищих.

– Похоже, здесь люди не бедствуют, – сказал он.

– Так ведь у нас круглый год туристы. Эсмеральда очень популярна у европейцев, а теперь даже из Азии начали приезжать. На этом и строится экономика.

– Столько народу приезжает охотиться?

– Почти все говорят, что приехали посмотреть, – лукаво усмехнулся Альбани. – Что никого убивать не собираются. Нет-нет, им просто хотелось побывать на этом замечательном острове, где вооруженные люди охотятся друг на друга. Полюбоваться на это зрелище за пуленепробиваемыми окнами наших кафе и ресторанов. Говорят, а потом записываются. Воздух, как видно, у нас такой – и хорошо, что такой.

Население острова исчезло бы с лица земли за какой-нибудь год, если б ряды охотников не пополнялись извне. С рождаемостью у нас не очень – сюда приезжают не для того, чтобы заводить семьи. – Олбани остановился у четырехэтажного дома, знававшего лучшие времена, с поблекшей вывеской «Эстрелла дель Сур» на фасаде. – Приятного вам отдыха, а надумаете охотиться – вам всякий скажет, где меня можно найти. Я лучше всех и беру недорого.

Остров Эсмеральда, длинный и плоский, расположен близ Большого Инагуа в юго-восточном углу Багамов – в бинокль с него можно увидеть Гаити. В 2021 году разорившееся багамское правительство продало Эсмеральду вместе с суверенитетом группе международных инвесторов со штаб-квартирой в швейцарском Берне. Генералу Лазаро Руфо, пришедшему к власти путем переворота и отчаянно нуждавшемуся в твердой валюте, это представлялось разумным шагом. Что значит один голый островок, когда у тебя остается семьсот других? Пользы от него никакой, а цену дают хорошую. Зато корпорация «Мир Охоты», консорциум богатых людей, мыслящих категориями выгоды и быстрого оборота, нашла Эсмеральду очень даже полезной. Убийство – идеальный продукт, даже лучше наркотиков, поскольку все обеспечивают сами потребители: оружие, жизнь и смерть. Оно даже социально приемлемо, если организовано на добровольных началах, и может стать превосходным спортом для тех, кто все другое уже перепробовал.

Многие страны выражали готовность принять Охоту на своей территории, но «Мир Охоты» решил ограничиться своей частной собственностью. Так можно избежать всевозможных проблем с правительством просто потому, что они сами правительство и в качестве такового взимают налоги,

вместо того чтобы их платить.

Проект «Мир Охоты» с самого начала задумывался на широкую ногу и хорошо финансировался. Убогий столичный городок Моргантаун снесли и в рекордные сроки воздвигли на его месте новый город – да не какой-нибудь безвкусный муравейник из стекла и бетона, столь характерный для современного мира. Эсмеральда планировалась на средневековый лад, и даже места под торговый молл там не предусматривалось. Дома строились в основном из светлого камня, добываемого тут же на острове, но для зданий наподобие Охотничьей Академии и Колизея ввозили импортный известняк и итальянский мрамор. Эсмеральда с самого начала приобрела облик старинного колониального города с европейскими чертами, выросшего, как фата-моргана, на коралловой почве острова.

Тропический остров с красивым городом привлекал туристов и сам по себе, даже без приманки узаконенного убийства. Здесь можно было наслаждаться ароматом прошлого при всех современных удобствах и развлечениях.

Помимо удовольствий и опасности в обрамлении природных красот, Эсмеральда могла предложить немало интересного и ученым. Здесь находился всемирно известный музей с ассирийскими и хеттскими древностями, вывезенными из разорившейся Англии. Институт Океанографии успешно соперничал со своим тезкой в Монако. Отели носили названия «Рокфеллер-Хилтон», «Холидей Форд», «Дорада дель Сур»,

«Кастильо», «Кантинфлас». Следует упомянуть также поля для гольфа, теннисные корты, несравненную подводную рыбалку и кухню пяти континентов.

А если у вас нет соответствующих средств на электронном банковском счете, то вот вам недорогая карнавальная деревня на пляже Деланси, на южной оконечности острова. Открыта она круглый год. Тут можно отпраздновать возобновленные сатурналии и уникальную местную версию Марди Гра. И наконец, но далеко не в последнюю очередь – сама Охота, где люди рискуют жизнью при соблюдении минимальных правил. Контролируемое беззаконие, пир темнейших эмоций. В Мире Охоты можно делать именно то, от чего человечество с незапамятных времен безуспешно пыталось избавиться.

Мир Охоты процветал среди всеобщего упадка и разорения. Люди со всего света стекались в этот аморальный оазис с удивительно разумными ценами. Помимо убийства корпорация вкладывала средства также в секс и наркотики в соответствии с первейшими человеческими потребностями.

Во всех остальных местах люди чурались всяческих новшеств и перемен. Понятие «мода» перестало существовать, искусство отвергало инновационные формы. Люди старались выглядеть и действовать одинаково. Конформизм торжествовал. Наука пришла в упадок. Медицина сильно изменилась с фаустовских времен двадцатого века: врачи больше не пытались продлевать до бесконечности индивидуальные

жизни – их целью стало выживание тающей, сплошь больной популяции в целом.

Теоретическая физика уже больше ста лет не выдвигала новых космологических теорий и за последние тридцать не открыла ни одной новой элементарной частицы. Сказывались недостаток финансирования и всеобщее равнодушие. Развивать науку никто не стремился: все слишком хорошо понимали, что наука опасна. Именно научная мысль извлекла из ящика Пандоры атомную бомбу и прочие неприятные вещи. Пора эту мысль прихлопнуть; хватит улучшать окружающий мир, хватит его исследовать. Пора затаиться.

Эти квиетистские настроения появились в результате ядерной войны между Бразилией и Южной Африкой в 2019 году. Кто бы мог предсказать, что споры о рыболовных правах в Южной Атлантике приведут, как прямо, так и косвенно, к гибели двенадцати миллионов человек на двух континентах и едва не уничтожат весь мир? Повсеместный застой начался с конфликта между Южноамериканской Федерацией – ярким, но недолговечным порождением Карлоса Эстебана де Саенса – и Большой Южной Африкой под руководством чернокожего лидера Чарльза Грааца.

Так называемая Рыбная война завершилась 2 июня 2021 года внезапной смертью Саенса, причина которой не установлена до сих пор. Смерть диктатора сразу же после второго ядерного размена между обоими государствами повергла в замешательство южноамериканские власти. Давно пла-

нируемое наступление в бассейне Замбези пришлось отложить до назначения нового лидера; это давало южноафриканцам неопределимое преимущество, но Чарльз Граац, что крайне всех удивило, им не воспользовался. Он остановил военные действия и объявил, что рыболовные права больше его не интересуют. «Было бы безумием использовать свое превосходство в такой ситуации, – сказал он. – Зачем губить весь мир из-за рыбы? Если каждая из сторон согласна отойти от края пропасти лишь в случае бесповоротного поражения, война будет длиться вечно. От имени нашего зулусского большинства, а также белых, черных, цветных и восточных меньшинств я заявляю: пусть южноамериканцы забирают эту рыбу себе, если им так приспичило».

Вновь избранный президент Федерации генерал Реторио Торрес не уступил противнику в благородстве. Спор о правах был делом скорее принципа, чем рыбной ловли, заявил он, но гордость важнее любого принципа. Пусть ООН уладит этот конфликт.

Кризис разрешился столь быстро и неожиданно, что во-евать стало не из-за чего. Ни одна другая страна не спешила заполнить кризисную брешь, как это называли позже, и на планете, вопреки всем ожиданиям, настал мир.

Люди устали жить на грани неминуемой гибели. Острые вопросы национальности, расы, религии, политики, социальных теорий, власти утратили всякое значение в свете нового лозунга: «Не раскачивай лодку».

Оказавшись случайно в невиданном от начала цивилизации мирном периоде, человечество решило: пусть все идет как идет. Забудем о добрых старых национальных интересах; дадим радиоактивным отходам, накопленным в беззаботном двадцатом веке, немного выдохнуться и не будем добавлять новые.

Очистим атмосферу. Дадим планете и себе шанс вздохнуть.

Пора уже посидеть смирно.

Этот мирный период называют по-разному: Усталым Перемирием, Великим Застоем, началом новых Темных Времен.

Проявились, однако, любопытные статистические данные. Молодые мужчины, которых перестали убивать в расцвете лет на различных бессмысленных войнах, начали искать другие способы быть убитыми.

Как будто часть населения Земли считала необходимым истреблять себя по той или иной причине, а то и вообще без причины.

Явление иррациональное, но неизбежное – как иначе объяснить популярность Мира Охоты?

Не успев еще войти в отель, Гарольд услышал крики и топот. По тротуару прямо на него бежал человек. Его, отставая футов на двадцать, преследовал другой, с пистолетом.

Когда первый пробежал мимо, второй выстрелил. Пуля просвистела над правым ухом Гарольда, прижавшегося к стене, и срикошетила от гранита. Еще дюйм, и она бы попала в него. Пока Гарольд изучал щербинку в стене, беглец и преследователь скрылись в боковой улице. Он вошел в вестибюль. Портье, темнокожий и беловолосый, в грязных белых штанах и футболке, оторвался от газеты и сообщил:

- Пять долларов за ночь. Вперед. Ванная в коридоре.
- Меня тут чуть не убили около вас.
- Поосторожней надо, движение у нас бешеное.
- Да нет, я чуть пулю не схлопотал!
- А, охотники. – Портье махнул рукой: мальчишки, мол, есть мальчишки. – Если нужен номер, заполните эту графу.

Номер был маленький, довольно чистый, с белыми занавесками, односпальной кроватью и раковиной. Большое окно выходило на мощенную булыжником площадь со статуей в середине.

Гарольд как следует вымылся в ванной, побрился, постирал костюм, переоделся в джинсы и голубую рубашку. Костюм и прочее он повесил сушиться на плечиках в своей

комнате.

Здесь был телефон, и он достал из бумажника листок с номером Норы. Дозванивался он через гостиничный комму- татор целую вечность, но наконец дозвонился.

– Нора, ты?

– А кто это?

– Угадай.

– Больно надо. Фрэнк, что ли?

– Черт возьми, Нора, ты правда не узнаёшь?

– Гарольд? Это в самом деле ты? Здесь, в Мире Охоты?

– Как бы да.

– Но как ты... ладно, это после. Не хочешь зайти ко мне выпить?

– Спроси хрюшку, не хочет ли она в грязи поваляться.

– Ну так приходи, – сказала она и объяснила, как добрат- ся.

Народу на улицах было полным-полно. Пахло специями, жареным мясом, вином и – слабо, но явственно – порохом. Прохожие были одеты в меха, купальники, греческие тун- ки, римские тоги, ренессансные камзолы, индейские набед- ренные повязки, туркменские халаты и прочие костюмы, ко- торые он и опознать-то не мог. Чудное местечко, верно ему говорили. Но живется тут хорошо. Гарольд никогда еще не видел такой чистоты, и на деревья вдоль тротуаров приятно было смотреть. Он слышал, что на острове есть целый лес, тоже поглядеть надо.

Спросив пару раз дорогу, он пришел на маленькую площадь с фонтаном, о которой ему говорила Нора. Прошел через каменную арку, поднялся на два лестничных марша, позвонил в первую слева дверь.

– Ну заходи, – сказала открывшая ему Нора.

Она была почти такая же, как два года назад: маленькая хорошенькая блондинка с красивой фигурой и гладкой стрижкой, как у девушки с рекламного объявления. Жила она в маленькой, но уютной квартире.

– Ты как сюда попал? – спросила она, налив Гарольду пива. – У тебя была такая хорошая работа на мясокомбинате – не думала, что ты ее бросишь.

Гарольд был у старого Клеймора лучшим мраморщиком. Делалось это вручную, поскольку вся техника давно износилась. Мраморовальный автомат никогда и не работал как следует, а наладить его не представлялось возможным – ремонтных мастерских ближе чем в Олбани не было. Гарольд весь день стоял у конвейера и наводил прожилки на синтетические желатиновые бруски размерами 6×3×3 дюйма, выезжавшие к нему на засиженных мухами поддонах. Они были розовые, весили ровно килограмм и после Гарольда поступали к структурщикам.

– Не я ее бросил – она меня. Был, понимаешь, главным мраморщиком, и тут Клеймор решает перестать делать стейки мраморными и посмотреть, что из этого выйдет. Больно дорого обходилось мраморовать желатин натуральным жиром – ну, зато хоть какой-то вкус придавало. Короче, поперли меня, а другой работы в Кин-Вэлли нет, сама знаешь.

– Очень даже хорошо знаю, – кивнула Нора. – Я до отъезда вкалывала по двенадцать часов у Симмонса в офисе, в Лейк-Плэсиде, и мне еле-еле на жизнь хватало.

– Он уже помер, Фред Симмонс. Свалился в один из своих карьеров. Теперь бизнесом его сестра управляет.

– Смерти я никому не желаю, но поганый был мужичок. Так как же ты здесь оказался?

– Отцы города поручили мне проведать тебя.

– Я серьезно!

– Им нужны деньги, чтобы протянуть эту зиму. Ну я и вызвался поехать раздобыть эти деньги.

– Записавшись в охотники?

– Может, проще банк ограбить, не знаю.

– Забудь. Убийства тут узаконили, зато ограбление банка к госизмене приравнивается.

– Да шучу я. Насчет банка то есть шучу. А знаешь, Сэма Кензила, он еще с дочкой Бергеров гулял, бродячие псы разорвали.

– Всегда приятно послушать вести из дома. Как вы теперь развлекаетесь?

– Ночная жизнь у нас примерно та же, что при тебе. Пьем кофе у миссис Симпсон. Когда очень уж тянет на приключения, лезу на ту кучу шлака за городом. Подходящее место – куча дерьма, которую ты и твои ближние воздвигли своими руками.

– Говорят, радиоактивный он, этот шлак.

– Как и весь городишко, чтоб ему. Рано или поздно от этого подыхаешь, если раньше не уморит что-то другое.

– Весело, нечего сказать. Я потому и уехала. Развлекься негде, и разговоры одни и те же, сплошная тоска.

– Разве смерть – это тоскливая тема? Я думал, Мир Охоты только ей и живет.

– Да, только здесь умирают красиво, не то что дома. Еще пивка?

– Сделайте милость, прекрасная леди.

Она засмеялась и пошла на кухню, а Гарольд стал рассматривать фотографии на стенах. Норины родители. Ущелье Озебл. Озеро Плэсид. Незнакомый лысый мужик средних лет, загорелый и, похоже, крепко в себе уверенный.

– А это кто? – спросил Гарольд, когда Нора вернулась.

– Джонсон.

– Ну ясное дело. Джонсон. Как же я сразу не узнал. Нора, кто такой этот чертов Джонсон?

– Я с ним жила, – засмеялась она. – Встретила его в Майами и приехала с ним сюда. Это его квартира – то есть была его.

– И чем же он занимался?

– Был охотником. Неплохим. Смешно получилось: в последний раз, когда он был жертвой, на него индеец охотился. Не индеец, а из Индии. Ну ты подумай! Они ж непротивленцы там, нет? Толстенный такой, коричневый и в тюрбане. Знал бы, что он в тюрбане, говорил Джонсон – не стал бы на

егеря тратиться.

– Юморной он у тебя.

– Да, с ним всегда было весело. Это его трофеи.

На стене висели четыре лакированные дощечки красного дерева с бронзовыми табличками – официальное подтверждение, что Джонсон кого-то убил.

– А где он теперь, твой герой?

– На Бут-Хилле, тут за городом. Его пристрелил очкарик из Портленда в Орегоне – кто бы мог догадаться.

– Да уж. Слушай, Нора, у тебя поесть не найдется? Деньги есть, я тебе заплачу.

– Есть идея получше. Я знаю одно место с отличной кухней, и хозяин мне задолжал.

– За что, интересно?

– Давай без глупых вопросов. Каждый выживает как может, а еда там хорошая. Ой, Гарольд, – сказала она и обняла его, – как я рада, что ты приехал.

Пройдя по извилистой булыжной улочке, они свернули в переулок и спустились в подвальчик, где распевали йодли официанты в тирольских костюмах и наяривало цыганское трио. Крошечную танцплощадку освещали до ужаса розовые фонарики. В разгульной атмосфере пахло сигарным дымом и слышались разговоры на пяти языках. Хозяин, подмигнув Норе, дал им столик у танцплощадки и прислал напитки за счет заведения.

Голодный Гарольд жадно умял первое блюдо – рыбу под маринадом, называемую севиче, очень вкусную. На втором, стейке из натурального мяса, он сбавил темп и начал получать информацию.

– Нора, а сколько тебе платят, когда записываешься?

– Две тысячи долларов, когда получаешь статус охотника или жертвы. Еще три тысячи, когда убиваешь. Это для начала.

– А потом?

– Ставка повышается после каждого убийства.

– Ты сам выбираешь, охотником быть или жертвой?

– Нет, это делает компьютер. Но платят тем и другим одинаково.

– А если пристрелят?

– Правительство бесплатно похоронит тебя на Бут-Хилле.

– Пять тысяч – большие деньги.

– Угу. А если умираешь, то это надолго.

– И то верно. Но умирать все равно придется, даже если не подрядишься кого-то убить, и пять штук тебе не заплатят.

– Не думай, что это легкий заработок. Записавшимся платят много, потому что они привлекают туристов, за счет которых и живет Мир Охоты. Но процент смертности среди новичков довольно высокий – преимущество на стороне постоянных участников.

– Постоянные тоже были когда-то новенькими.

– В общем, да.

– Я слышал, сюда едут со всего мира, чтобы убивать совершенно незнакомых людей. Правда это?

– Да. Странно как-то. Я читала в журнале статью, там это называется «синдром Мира Охоты». Или «ментальность Мира Охоты». Будто бы это подсознательное желание смерти из-за давления, вызываемого перенаселенностью.

– Ну, это вряд ли. Сейчас-то никакой перенаселенности нет.

– Конечно, если сравнить с тем, что было сто лет назад. Но ресурсов все так же не хватает на всех, и с каждым годом их все меньше, этих ресурсов. Все ломается, ничего нового не выпускают, денег ни у кого нет, энергия у всех на нуле. Кроме разве охотников.

– Оно и понятно. Пять тысяч – большие деньги. Я не прочь за них кого-то убить. Если он, как и я, идет на это по

своей воле, то я не против.

– А если он тебя убьет?

– Приходится рисковать – работа такая.

– Как ты можешь называть это работой?

– Потому что это и есть работа. Убил одного – получил пять штук, но тебя тоже могут прикончить. Нормальная, в общем, сделка.

Они поели, и Гарольд проводил Нору домой. У самой двери она спросила:

– Не хочешь остаться у меня?

– Я уж думал, ты никогда не согласишься.

– Зачем же на отель тратиться. У меня есть задняя комната, можешь жить там. Я дам тебе ключ, приходи и уходи, когда хочешь.

– Спасибо, я с удовольствием. За одну ночь я уже заплатил – посплю там, присмотрю за вещичками, еще раз ванну приму, а завтра переберусь.

– Зайди на минутку, – сказала она. Он зашел, и она дала ему ключ. – Меня часто не бывает дома, ты ж понимаешь.

– Не волнуйся из-за меня, Нора. Я тебя не сужу, чем бы ты там ни занималась. Я собаку пристрелил по пути сюда, всадил человеку пулю в плечо, а скоро начну творить совсем уж плохие дела. Все я понимаю.

– Подожди пока записываться. Очень уж высокая смертность у новичков.

– Надо же когда-нибудь начинать.

– И то правда, – мрачно сказала Нора.

Майк Альбани припарковал свой белый «Ламборгини», помахал хорошенькой соседке с трехлетним малышом в коляске, вышел и посмотрел из предосторожности в обе стороны. Родственники жертв иногда вымещают зло на егерях, хотя такое поведение противоречит как гражданскому, так и моральному кодексу. Не усмотрев ничего подозрительного, он отпер свою дверь и вошел.

Его жена Тереза смотрела телевизор в флоридской комнате. Шел «Дневник колонизации Марса», прямая дневная трансляция с марсианской станции по кабельному каналу. Тереза обожала всяческую экзотику и вообще могла часами смотреть на что угодно, даже как растут помидоры на заднем дворе – такому терпению позавидуешь.

– Ну, как сегодня дела? – спросила она.

Олбани плюхнулся в кресло, разом утратив весь свой искрометный энтузиазм.

– Подвез одного парня из аэропорта. Может, запишется и возьмет меня в егеря.

– Вот и чудненько. А тот, на кого ты сейчас работаешь?

– Джеффрис? – слегка оживился Олбани. – Он сегодня взял выходной. Говорит, что не может охотиться с насморком. Зато завтра я приготовил отличнейшую засаду. Накроем его жертву, не беспокойся.

– Он хоть на что-то годен, твой Джеффрис?

– Успешно прошел одну дуэль в качестве жертвы. Но говорят, ему повезло просто, у охотника срикошетило.

– Умеешь ты их выбирать, – вздохнула Тереза.

– Это Джеффрис меня выбрал, не я его. Приходится работать на обормотов вроде него, пока не найдется такой, который будет убивать и обеспечивать нам бонусы. Ты только не волнуйся, ага?

Тереза пожала плечами, Майк налил себе вина. Дела у него шли из рук вон, жизнь рушилась.

Тридцатишестилетний Альбани родился в Дорчестере, пригороде Бостона. Его отец Джанкарло, эмигрировавший из Каstellамаре в Италии, сначала работал механиком в Провиденсе, потом перебрался в Дорчестер. У Джанкарло и Марии, его жены, было шесть детей. Мария работала в прачечной по соседству. Из шести, считая Майка, выжили четверо. Трех разбросало по всем Соединенным Штатам. Анджело убили при попытке ограбить банк в Шайенне, штат Вайоминг. Тито погиб в автомобильной аварии около Сиу-Фоллз.

Майк с детства проявил себя как талантливый предводитель мелкой шпаны. Он успешно орудовал в Дорчестере и на Южной стороне Бостона, пока один из его ребят, Бешеный Пес Лонниган, не попался при ограблении обувного магазина сети «Том Макэнн» в Бруклине. Лонниган заключил сделку с правосудием и согласился дать показания против своих,

но Майка предупредили как раз вовремя, чтобы смыться из города. В Мир Охоты он приехал в 2081 году.

Перебрав несколько занятий, он пошел в ученики к сицилийцу Луиджи Ванилли, хитрому старому егерю. Спор из-за грушевого дерева, которое росло на соседском участке, но свешивалось к Ванилли, закончился гибелью последнего от соседской пули, а его дочка Тереза унаследовала папиных клиентов, белый «Ламборгини» и дом. Майк и она пришли к согласию и вскорости поженились.

Первый год Майка в качестве егеря прошел с блеском. Его второе убийство вошло даже в книгу рекордов, а потом ему повезло еще больше: его нанял Хулио Санчес, великий охотник из Коста-Рики. Те два года, что Санчес провел на Эсмеральде, Альбани жил как сыр в масле.

Потом Санчеса убили, что рано или поздно случается даже с самыми лучшими, и все пошло под откос. В городе стали говорить, что Альбани потерял прежний нюх и фантазию, что у него егерский застой – а с неудачливым егерем работать, само собой, никому не хотелось. Кончилось тем, что Альбани стал дежурить в аэропорту и ловить там приезжих.

В Мире Охоты взлет и падение совершаются очень быстро. Альбани пытался снова взобраться наверх, но единственным его клиентом пока что был Джеффрис – эксцентричный малообещающий англичанин.

Майк остро нуждался в успехе. Егерям, подобно охотникам и жертвам, платит Охота – и клиенты, и государство. Но

если клиента убивают, из гонорара егеря вычитается штраф плюс десять процентов на судебные издержки. Трех последних клиентов Альбани потерял, штраф ему с каждым разом начисляли все выше, так что теперь он оказался на лезвии бритвы. Если Джеффрис убьет свою жертву, Майк продержится еще какое-то время. Если проиграет, Майка опять оштрафуют, и крах станет вопросом дней.

Крах в Мире Охоты означает официальную деэмансипацию. Ты объявляешься рабом, твое имущество конфискуется, а тебя отправляют на принудительные работы – может статься, и на свиноферму навоз убирать.

– Микеланджело, давай вернемся в Дорчестер, – внезапно сказала Тереза.

– Нет. Я там все еще в розыске.

– Ну еще куда-нибудь, Америка большая.

– И что? Голодать, оплачивая покупки в рассрочку? Спасибо. Мне нужен прорыв, вот и все. Эх, найти бы второго Санчеса.

– Да, Санчес был хорош. Вы с ним были первоклассной командой. Но его убили, и следом пришел Антонелли.

– Не напоминай.

– Что же нам делать, Майк?

– Джеффрис убьет, и мы выправимся. Или этот новый, Гарольд, нас вытащит.

– А если нет?

– Тогда я возьму суицидальную ссуду и оставлю ее тебе.

– Одни разговоры. Ты всегда грозишься покончить с собой, когда дела плохи.

– На этот раз я исполню угрозу. – Майк встал. – Прямо сейчас. Кому тогда будешь жаловаться?

Тереза, понимая, что это скорей всего блеф, все-таки испугалась и сказала дрожащим голосом:

– Не надо, Альбани.

– То-то же, – сказал он и сел. – Помни, главное, что со мной ты не пропадешь.

«Дорогой Алан,

я уже на Эсмеральде, и меня чуть не ухлопали в первый же день. За исключением этого, я больше не видел Охоты, которой так славятся эти места. Я думал, они тут бегают по улицам, как в том старом фильме, «Десятая жертва» – его сняли, когда Охота была еще нелегальной. Выстрелы вроде бы слышу время от времени, но кто его знает. Может, просто не попал куда надо в нужное время.

Сегодня наткнулся случайно на человека, с которым летел из Майами, Текс Драза его зовут. Думаю, его можно назвать ковбоем, вот только коров и в Техасе уже не осталось. Мы с ним выпили в салуне «Неряха Джо»⁵ – говорят, это тот самый салун, не знаю уж, что они имеют в виду. Симпатичное такое местечко в конце Мэйн-стрит, на стенах фото знаменитостей, которые здесь бывали. Пили мы «зомби», старинный напиток, еще в двадцатом веке известный. Смесь разных сортов рома и чего-то химического, прошибает будь здоров.

Я спросил, почему здесь все украшают, флаги развешивают и прочее. Оказывается, сейчас канун их самого главного праздника, сатурналии называется. Все наряжаются в маскарадные костюмы, и Драза намекнул, что секс разрешается в

---

⁵ Так называется знаменитый бар в Ки-Уэст, Флорида. Существует с 1933 г. В свое время его завсегдатаем был Э. Хемингуэй.

любых видах. Вот бы поглядеть.

В праздник, говорит Драза, тут чего только нет: вечеринки, парады, концерты, соревнования разные. И есть такая забава «передай эстафету». Это такой медный цилиндрик с красным пятнышком сбоку, а внутри бомбочка, которая может уложить всех в радиусе одного фута. Часовой механизм уже тикает, но никто не знает, когда рванет – известно только, что на сатурналиях. И все ее друг другу передают, представляешь? Вроде русской рулетки, только вместо револьвера тут бомба. И каждый – женщины тоже – показывает, какой он храбрый: не сразу отдаст, а немного подержит в руке. Туристы не обязаны это делать, но многие делают. Как те, что когда-то бегали наперегонки с быками в Памплоне, Хемингуэй еще про это писал.

Вчера видел Нору, выглядит сногшибательно. Живет в живописном районе недалеко от центра. Остановился у нее, пока собственное жилье не найду. Улочки у нее в квартале узкие, машины не допускаются. Дома все каменные и стоят под разным углом, как в старину – забываешь, что этот город совсем не старый и построен за последние семьдесят лет.

Мне здесь нравится. Прямых линий нет, сплошные изгибы, и вообще интересно, весело – странно говорить так про место, где правит смерть, но это правда.

С Охотой вроде бы все нормально. Разузнаю еще немного и запишусь. Скажи Калебу и остальным, что я пришло им денег, как только что-нибудь заработаю.

Пишу я это уже в другом баре и только что, как ни смешно, снова увидел знакомого. Он меня из аэропорта подвез. Егерь, зовут Майк Альбани. Потом допишу».

Альбани пил белое вино, сидя на красном плюшевом табурете у бара – в хорошо скроенном синем блейзере, серых фланелевых брюках, в черных, до блеска начищенных мокасинах. На белоснежной рубашке виднелся аскотский галстук из голубого шелка. При виде Гарольда его красивое смуглое лицо расплылось в улыбке.

– Гарольд, вот так встреча! Надеюсь, наш островок пришелся тебе по вкусу.

– Здесь красиво. Мне очень нравится.

– А как насчет поохотиться?

– Я готов, только помирать не хотелось бы.

– Хороший егерь не позволит убить своего клиента. Чем тебя угостить?

– Я буду то же, что вы, спасибо.

– Еще бокал белого, Чарли, – сказал Альбани бармену в белой куртке.

Гарольд угнезвился рядом на табурете.

– Сегодня самолеты не встречаете?

– Бесполезно, праздники ведь. Мало кто из приезжих интересуется высоким искусством Охоты. Все хотят выпить, позабавиться с женщинами, пошуметь, а после рассказывать про свои приключения в Мире Охоты. Вреда в этом нет, презирать их не за что, но я все-таки скучаю иногда по былым

временам.

– А как было тогда?

Альбани с грустной улыбкой взял из серебряной коробочки сигарету с золотым кончиком, закурил, подвинул портсигар Гарольду:

– Попробуй. Это смесь виргинского и восточного табака с добавкой легкого возбуждающего «аптайм 32». Не галлюциноген, просто настроение поднимает.

Гарольд закурил, затянулся, закашлялся, попробовал затягиваться не так глубоко – вроде бы ничего. Сладковато-пряный вкус табака сначала показался ему неприятным, но потом он привык.

– Правильно, не надо втягивать дым в себя, – сказал Альбани. – Активные ингредиенты поступают в кровь через слизистую рта. Безвредно, не вызывает привыкания и, конечно, совершенно легально. Ты спрашивал про старые времена – так вот, еще лет двадцать назад Охота была прямо-таки религиозным обрядом. Каждый глава семьи принимал в ней участие не реже одного раза в год. Тогда у людей еще были деньги, и егерей нанимали тоже целыми семьями. Они были не просто обслугой, а частью команды. Родными людьми, хотя и получали за это плату. Как во времена Возрождения, когда у каждого богатого человека были так называемые клиенты.

– А что, здорово, – сказал Гарольд.

Альбани кивнул все с той же грустью в карих глазах.

– В ту пору у опытного егеря работы было хоть отбавляй.

Иногда он зарабатывал столько, что мог и сам поучаствовать.

– Разве это так дорого? Я думал, для Охоты только пистолет нужен.

– Сама Охота обходится недорого, но если ты относишься к ней хоть сколько-нибудь серьезно, ни для чего другого в твоей жизни места не будет. У большинства охотников постоянной работы нет. Работая полный день, ты теряешь навыки и становишься уязвимым для внезапных атак. Ну ее, эту работу, в Мире Охоты она непопулярна.

– На что же вы живете?

– Правительство выплачивает пособие каждому зарегистрированному охотнику. Размер зависит от того, сколько человек мог бы заработать, если бы не охотился – это определяет налоговый инспектор. Называется «отрицательный подоходный налог», очень многие его получают. А за каждое зарегистрированное убийство выплачивается премия.

– Но как правительство может это себе позволить? Похоже ведь, ему половину населения приходится содержать.

– Все просчитано. Охота притягивает туристов, которые и обеспечивают основной доход государству. Без Охоты и денег не будет, поэтому власти делают все возможное для поддержки охотников и их егерей. К сожалению, этого недостаточно – возьмем хоть меня.

– Да? Я думал, у вас все отлично.

– Надо же держать марку. На самом-то деле я с трудом

концы с концами свожу. Больше всего денег я потерял на другой составляющей Мира Охоты, которая затягивает еще больше, чем Охота как таковая. На королеве всех пороков – игре.

– Разве воздержаться так трудно?

– Попробуй воздержись. Игорные законы у нас уникальны. Игра не только легальна, но временами и обязательна.

– Вас заставляют играть?

– Большинство заставлять не приходится. Эсмеральдийцы люди рискованные, это наша национальная черта.

– А если все время проигрываешь?

– Проигравшихся объявляют банкротами.

– И что с ними делается потом?

– Если ты опустился на самое дно – денег ни гроша и занять негде, – сдаешь оставшееся имущество в казну и становишься правительственным рабом.

– Ладно вам! Рабства в современном мире не существует!

– Да ну? Чарльз, расскажи мистеру Эрдману про рабство.

– Извольте. – Круглолицый, лысый, пузатый бармен вытер красные ручищи о грязноватый, белый в синюю клетку, фартук. – Из первых рук, так сказать. Видите кольцо на мизинце? Это эмблема государственного раба. – Кольцо, похоже, было из черного дерева с мелким блестящим камнем. – Следующей весной будет три года, как я им стал. Пятикарточный стад, вот что меня подкосило. Здесь я помогаю в туристский сезон, а постоянно работаю на таможне.

Гарольд не знал, что сказать. Невежливо как-то спрашивать раба, как он относится к рабству, но здесь оно, кажется, в порядке вещей. Чарльз не считает его позорным, Майк Альбани тоже.

– Без рабства в таком месте не обойтись, – сказал Альбани. – Наши граждане любят веселиться и рисковать, а обслуживать всю эту веселуху некому. Даже госслужащие у нас в основном рабы, а в коммунальные службы свободных и по-давно не заманишь.

– Чудеса, – сказал Гарольд.

– Это полезный институт, – подтвердил Чарльз. – Можно вести интересную, рисковую жизнь, не боясь, что с тобой случится что-то уж очень плохое – ну, разве что убьют, это да. В худшем случае ты разоришься и тебе придется работать.

– Это тоже не навсегда, – продолжил Альбани. – Начинаешь, конечно, с самых низов – на свиноферме или в соляных копях, но если повезет, можешь подняться до административного уровня. Госрабам в администрации очень хорошо платят, ведь они-то и есть правительство – какую зарплату хотят, такую себе и выписывают. Поработаешь немного в правительстве и сможешь выкупиться.

– Странно мне все это, но вообще-то смысл есть, – сказал Гарольд. – Не могу только понять, почему люди, которым деньги не нужны, идут в Охоту рисковать жизнью.

– Для этого нужен особый менталитет, – признал Альба-

ни. – Надо хоть немного пожить здесь, чтобы проникнуться. Многие видят смысл своей жизни в том, чтобы стать хорошим охотником, и больше ни о чем не мечтают.

– А что для этого нужно?

– Крепкие нервы и удача. Дело не в том, чтобы уметь обращаться с оружием, или быстро его выхватывать, или маскироваться под невидимку. Не во всей этой псевдovoенной фигне. Суть Охоты – это вести нормальную жизнь в опасной обстановке.

– У вас тут, наверно, много агрессивных субъектов, – предположил Гарольд.

– Ничего подобного, – обиделся Альбани. – Лучшие охотники скорей интроверты.

– Не скажу, что вы меня убедили, но поразмышлять есть о чем.

Зазвонил телефон на стойке. Бармен снял трубку и сказал Альбани, что просят его. Тот переговорил кратко и сказал Гарольду:

– Хотелось бы продолжить нашу дискуссию, но увы – долг зовет. – Он взглянул на часы. – Надо быть в засаде ровно через двадцать минут. Могу подвезти, если тебе в ту сторону.

– А где она, ваша засада? – От второй сигареты голова у Гарольда сделалась легкой и стало на все плевать.

– На другом конце города. Кватрананго-Хайтс, Тюльпановый дворец, зоопарк. Стоит посмотреть, если еще не видел.

– Поехали, – сказал Гарольд.

Солнце опускалось в пурпурные облака, окрашивая розовым белые дома Эсмеральды, пальмы на Океанском бульваре раскачивались от вечернего бриза. Когда едешь в белой открытой машине под пальмами чудесным теплым вечером, то не все ли равно куда ехать, на свадьбу или на похороны. Главное – сама езда.

Бриз овевал запахом соли, йода и водорослей. Альбани умело, без спешки вел машину на запад через бело-розовые пригороды Инчбург и Мальдорадо. Потом свернул на загородную дорогу и стал подниматься на холмы Лансир мимо зоопарка и миниатюрного дождевого леса. Стало прохладнее, и внизу раскинулся весь остров с фермами и пастбищами, окруженный сверкающим морем.

У входа в зоопарк Альбани притормозил.

– Могу высадить тебя здесь. Он у нас хороший, больше дикой фауны на Карибах нигде не увидишь. И автобус ходит до города.

– Как-нибудь в другой раз. Можно мне с вами? Очень хочется посмотреть на засаду.

– Конечно, с удовольствием.

За другим поворотом начался проселок. Машину подкидывало. Проехав немного, Альбани выключил двигатель и поставил ручной тормоз.

– Дальше пешком.

Пройдя по тропинке через густой подлесок и сосны, они вышли на пригорок, под которым, в ста футах ниже, проходило шоссе. Здесь стояла деревянная конструкция вроде рогатки, заправленная камнями. Под платформой виднелся механизм с шестеренками.

– Нажимаешь рычаг, и камни валятся на дорогу. Неплохо, а? Мои люди еще несколько месяцев назад это соорудили. Дорог, по которым ездят жертвы и охотники, не так много, а хороший егерь предвидит все наперед.

– И что же будет? – спросил Гарольд.

– Скоро здесь проедет машина жертвы, некоего мистера Дразы из Техаса.

– Эй, я его знаю. Вместе летели сюда.

– Он здесь каждый год бывает. Это его шестая успешная Охота, сдастся мне – и последняя. Как только он минует вон тот дорожный столб, свалю камни перед ним на дорогу. Мистер Дроза выйдет посмотреть, что стряслось, и мой охотник, мистер Скотт Джеффрис, застрелит его со своего поста у обочины.

– Сложновато как-то, нельзя ли попроще?

– Способов, разумеется, много, – снисходительно проронил Альбани, – но засады такого рода традиционны и дают егерям работу. Сейчас проверю, все ли в порядке. – Альбани достал из кармана рацию, выдвинул антенну. – Вы на позиции, мистер Джеффрис?

Рация затрещала, и тонкий голос сказал:

– На позиции и в полной готовности. Он уже едет?

– Да, точно в срок!

С такой высоты серебристая машина казалась маленькой. Альбани подался вперед, держа руку на спуске, Гарольд, стоявший чуть позади, заметил уголком глаза вспышку на лесистом холме у них за спиной. Вот опять... и чья-то фигура движется за деревьями.

– Ложись! – заорал Гарольд, не поняв еще, что это означает, и сбил Альбани с ног. Грохнула мощная винтовка, и пуля чвакнула в катапульту, где только что стоял егерь.

Гарольд хотел встать, но Альбани его удержал. Винтовка выстрелила еще четыре раза через равные промежутки. Шум автомобильного двигателя усилился и стал затихать, когда машина проехала мимо.

– И что теперь? – спросил распластанный на земле Гарольд.

– Подождем. Там, в лесу, другой егерь. Он не должен был нас обстреливать. Это не по правилам и нарушает профессиональную солидарность.

– А вы не можете обстрелять его в ответ?

– У меня нет оружия. Егерям оно не положено. И даже будь оно у меня, я не стал бы им пользоваться по примеру этого неотесанного олуха. Просто лежи. Джеффрис скоро поднимется к нам, и чужой егерь уйдет.

– Разве он не попытается убить Джеффриса?

– Нет, конечно. Егерям запрещено убивать охотников.

Вскоре действительно появился Джеффрис с винтовкой наперевес – маленький, желтолицый, с усиками, прилизанными черными волосами и бородавкой над длинной верхней губой.

– Все в порядке, Альбани?

– Я-то в порядке, но меня засекли. Хуже того, предугадали, как я буду действовать. Я, Альбани! Какой позор.

– Не переживайте так, старина. У всех бывают неудачные дни.

– Но из-за меня вы не смогли застрелить вашу жертву, – заломил руки Альбани.

– Ничего страшного, я все равно сегодня не в форме. Мой доктор говорит, что мне вредно дышать пороховыми парами. Кто этот молодой человек?

– Мой друг из Америки, мистер Гарольд Эрдман. Он спас мне жизнь.

– Превосходно – жаль было бы вас потерять. Очень приятно, Эрдман. Ну, в следующий раз мы нашу добычу прижмем, не так ли?

– Можете на это рассчитывать!

– Звоните, когда снова что-то придумаете. Желательно в городе, не хочется по горам лазить. Рад был познакомиться, Эрдман, – сказал Джеффрис и стал спускаться с холма.

На обратном пути Альбани молчал и заговорил, только подъехав к «Эстрелле»:

– Выручил ты меня, Гарольд. Как ты узнал, что тот парень там?

– Увидел вспышку его оптического прицела.

– Но как ты догадался, что это оптический прицел, а не что-то еще? Ладно, не важно. Ты шустрый, у тебя все получится. Хочешь завтра на вечеринку пойти?

– А что за вечеринка такая?

– Охотничий бал. Устраивается раз в году перед самыми сатурналиями, и список гостей ограничен. Помимо избранных охотников приглашаются киношники, рок-звезды, сенаторы и так далее. Будет о чем друзьям рассказать.

– У меня вообще-то нет планов на завтра – а можно еще кого-нибудь привести?

– Конечно. – Альбани достал из бумажника приглашение на два лица. – Бал будет в Охотничьей Академии. Приходите часам к десяти, тогда самое интересное начинается.

Рейс 461 из Атланты задержался почти на час, и Лувейн Доубри просто кипел от злости. В разгаре очень трудной, изматывающей охоты его кузина Джасинта Джонс, старшекурсница из Беннингтона, вздумала прилететь к нему на каникулы!

Вечно она выберет самое неподходящее время. В прошлом году она предупредила его в последний момент; пришлось отвлекаться, готовить ей комнату, и убийство у него в результате получилось просто кошмарное. Его раскритиковали во всех газетах и даже на дружественном обычно «Шоу Мира Охоты». Ведущий Гордон Филакис назвал это неумышленной вивисекцией и посоветовал Лувейну не ронять больше лошадей на кротов.

Тогдашняя жертва действительно носила очки с толстыми линзами. Лувейн хотел зарубить его саблей на скаку, но лошадь запаниковала и рухнула на бедолагу всей своей тяжестью. Доубри не любил вспоминать об этом – с того дня у него и началась полоса неудач.

Он попросил бы Союзера, своего егеря, встретить Джасинту, но боялся, что кузина обидится и нажалуется его матери. Мама, жившая одна после смерти мужа в Шароне, штат Коннектикут, управляла семейным фондом, который снабжал Лувейна деньгами.

Сара Доубри была противницей Мира Охоты и его философии. Только беднякам позволительно убивать друг друга, считала она: богатые представляют слишком большую ценность, чтобы жертвовать ими. Сам Лувейн придерживался либеральных взглядов и полагал, что каждый человек имеет право убить другого – богатого или бедного, все равно.

Если Джеки сообщит собственной матери Эллен, сестре Сары, что Лувейн был занят охотой и не встретил ее, то... может, ничего и не будет, но зачем рисковать таким важным делом, как выплата содержания.

Поэтому он сидел на аэропортовской вышке и не переставая курил. Самолет наконец показался, чертя темный след на синем карибском небе, и Лувейн пошел в зал прилетов. Вот и Джасинта во всем блеске своих двадцати лет, стройная, красивая, стильно подстриженная брюнетка с тонкими карминовыми губами.

– Лувейн, дорогой, вот здорово! Не терпелось снова тебя увидеть.

Она не сильно его любила, но ей нравилось гостить в Мире Охоты, особенно во время сатурналий, а у Лувейна имелась отличная квартира прямо на Сентрал-сквер.

– Я тоже рад, Джасинта. – Он всегда называл ее полным именем. – Если ты не против, поедем сразу домой. У меня Охота – ну, ты ведь знаешь. Я пришлю кого-нибудь за твоим багажом.

Лувейн Доубри, тридцати четырех лет, был среднего ро-

ста пепельный блондин с белесыми, почти невидимыми бровями. Его отец, успешный биржевой маклер в Нью-Хейвене, после выхода на пенсию стал не менее успешным охотником. У него было двенадцать убийств на счету, когда турецкий охотник, переодетый официантом, вышиб ему мозги в тарелку с антипасто из пистолета-пулемета «стэн». Мать, светская дама, гордая одной восьмой ирокезской крови, по-прежнему жила в Коннектикуте, распоряжалась семейным фондом и собирала антиквариат, о чем мечтала давно. У Лувейна на Эсмеральде была роскошная квартира в центре города и вилла за городом. Он имел все, что может пожелать человек, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы.

Показав Джасинте ее комнату, он занялся любимыми игрушками. Их у него было три: «уэбли-мартин 303», двухствольный дерринджер «беретта» 44-го калибра и целевой пистолет 22-го калибра с длинным стволом. Прочие пистолеты и винтовки лежали на верстаке или размещались на стеллаже черного дерева. В оружейной пахло машинным маслом.

Джасинта валялась на диване в гостиной, читая взятый из самолета модный журнал, ее сигарета дымилась в пепельнице на боковом столике. Со своего места Лувейн видел только ее черную гривку и ноги в чулках.

Зазвонил телефон, и она, опередив Лувейна, сняла трубку со своего аппарата.

– Салли? Как ты, милая? Да, только что прилетела, чудес-

но. Охотничий бал? Конечно, пойду. Ты в чем будешь?

Лувейн, показывая на телефон, строил ей свирепые рожи.

– Я лучше потом перезвоню тебе, ладно? Лувейну телефон нужен. Пока-пока. Ну, доволен? – спросила она, положив трубку.

– Извини, но ты же знаешь – я жду звонка от своего егеря.

– Ты кто, охотник или жертва на этот раз?

– Охотник. Моя жертва – Фред К. Харрис.

– Впервые слышу.

– Он не местный, из Нью-Джерси приехал. Это его третья дуэль. Резвый такой старикан, кинобизнесом вроде бы занимается. Насколько я знаю, у него в запасе недурственные приемчики.

– Твой егерь по-прежнему Отто Спранглер?

– Нет. Он погиб в аварии, в прошлом месяце, выполняя Обязательство неосторожной езды.

– Никогда не понимала, зачем это нужно.

– Не у всех обычаев есть логическая основа.

– И кто у тебя теперь?

– Эд Соузер. Знаешь такого? Толстяк из Ки-Уэста, башка как дыня?

– Не знаю и не стремлюсь познакомиться. Почему ты не взял Тома Дреймора? Ты о нем всегда хорошо отзывался.

– Он на этой неделе занят.

– Даже для тебя? Не верится, учитывая, сколько ты платишь.

– Ему не нужна работа – последнее время ему крупно везло. Я хотел нанять Тома, но его никогда нет на месте, и на звонки он не отвечает. Избегает меня, по-моему.

– С чего это вдруг?

– Тебя тут не было во время моей последней дуэли.

– Да, я вернулась в Беннингтон, когда ты только готовился. А что случилось? Ты ведь убил того человека?

– Естественно, иначе я бы здесь не сидел.

– Так в чем же дело?

– Судьи сочли это неизящным убийством. Мне пришлось добить его из ружья.

– Но правила ведь допускают это?

– Да, но я практически размазал его по стенке Гостеприимного Дома, а туда как раз привели туристов. Несколько туров пришлось отменить. Спрашивается, при чем тут я? Если они такие чувствительные, нечего сюда приезжать. Ни для кого не секрет, чем мы занимаемся в Мире Охоты.

– Подумаешь, неизящное. За это ведь не наказывают?

– Нет. В кодексе ясно сказано, что жертву можно завалить как угодно. Но стиль есть стиль. За лучшее убийство присуждается премия Воин Года, и о Большой Раздаче тоже нельзя забывать. Я ни разу не получал ни того ни другого.

– Бедняжка Лувейн.

– Ничего смешного. Тебя тут не было, когда я начинал. Все говорили, что ничего подобного раньше не видели. Я тогда пользовался только целевым пистолетом 22-го калибра и

мог стрелять и правой и левой. Укладывал своих ребят так, что они и спохватиться не успевали. Мне предсказывали, что все награды будут мои. Обо мне писали в журналах и брали интервью на телевидении. А потом что-то пошло не так. В тире все по-прежнему получалось как надо, а вот на практике... Я не попадал в голову. Не попадал в сердце. Меня чуть самого не ухлопали. Я был очень встревожен, Джасинта. Очень. Дело ведь не только во мне, это вопрос нашей семейной чести.

– Может быть, на этот раз повезет, – сказала Джасинта.

– Я остро в этом нуждаюсь. Уже и к психиатру собирался пойти. Никому не говорил об этом, кроме тебя. Иногда мне кажется, что я просто старею.

– В тридцать четыре-то года? Глупости. – Про себя Джеки и правда считала, что Лувейн уже не так молод, но помалкивала.

– Я не чувствую себя стариком, но...

Телефон опять зазвонил, и Лувейн схватил трубку.

– Да, Соузер. – Он выслушал егеря и натянул охотничью куртку с карманами для оружия. – Все, я пошел.

– Можно мне с тобой?

– Нет. Позже увидимся.

– Ладно тебе, Лувейн. Меня так долго не было, хочу наконец посмотреть, как ты убиваешь. Может, я удачу тебе принесу.

– Ни в коем случае. От женщин на Охоте одни несчастья.

Расскажу все, когда вернусь, – сказал он и убежал.

Джасинта никогда еще не видела его таким нервным. Хоть бы у него получилось на этот раз. Он, как многие мужчины, ужасно злится, когда убивает некачественно.

Лувейн встретился с Соузером в кофейне Блейка у городского аквариума. Соузер извинился, объясняя задержку тем, что жертва, мистер Фред К. Харрис из Саммита, штат Нью-Джерси, долго сидел за ланчем, а потом пошел в свой отель вздремнуть. Появился он только недавно – отдохнувший, свежевыбритый, веселый, с аккуратными седоватыми усиками.

– Где он теперь?

– В книжном напротив. Каждый день туда ходит, но книгу купил только раз.

– Какую?

Соузер достал из брючного кармана блокнот и заглянул в него.

– «Библия стрелка» 2091 года издания.

– Логично. Как он вооружен?

Соузер перевернул страничку.

– «Ругер-редхок» двойного действия, «44-й магнум», в мексиканской кожаной кобуре на плече, и «таурис», модель 85, 38-й калибр, в набедренной кобуре. К левой ноге пристегнут дубликат ножа Боуи.

– Дотошный вы, Соузер, этого у вас не отнимешь. Цвет его трусов тоже знаете?

Соузер перелистал блокнот.

– Может, и записано где-то.

– Ладно, бросьте. Скажите лучше, какие у него результаты в тире.

– Зажмуривается и жмет на курок.

– Приятно слышать, – сказал Лувейн и нахмурился. – Но и такие иногда попадают в цель.

– Только не он. Это ходячий смертник, так и напрашивается на пулю. Предлагаю план А, самый простой. Подходите к нему сзади, когда он выйдет из книжного. Попадаетесь ему на глаза, дойдя до Фэрфакс. Он повернет в переулок между Софрито и Мэйн, вдоль задней стены кафе Шульца, думая, что там вас и прижмет – а вы его самого прижмете.

– Хорошо должно получиться, – сказал Лувейн скорее себе, чем Соузеру.

– Для вас уже все устроено. Славный узкий переулочек. Я там поставил прожектор, чтобы прямо ему в глаза, и еще сюрприз приготовил, когда он дойдет до двери кафе, прелесть что такое. Вы что решили взять?

– «Уидли». – Лувейн достал самозарядник из наплечной кобуры. – Он тяжелый, пятьдесят одна унция, с шестидюймовым стволом, из-под куртки выпирает, но бьет чертовски точно, и обойма на четырнадцать патронов.

– Чем заряжен?

– Винчестерские 9-миллиметровые «магнумы». Есть еще «смит-и-вессон», 59-я модель, про запас.

– Запасной всегда полезно иметь, – согласился Соузер. –

Внимание, он выходит!

Фред К. Харрис вышел из книжного магазина и быстро зашагал по Мэйн-стрит. Лувейн с «уидли» в руке устремился следом и замедлил шаг футах в двадцати от него. Пистолет приятно тяжелил руку, вселяя уверенность – верная смерть в ладони. Лувейн снял его с предохранителя, послал патрон в ствол. Харрис представлял собой идеальную мишень, но стрелять пока нельзя было: слишком людно вокруг, а за случайное убийство полагается суровое наказание.

Харрис заметил его и тоже достал пистолет, но он находился в неудобной позиции и потому перешел на бег, лавируя так, чтобы между ним и Лувейном оставались прохожие. Его седые волосы развевались по ветру. Побежал и Лувейн. Молоточки стучали в висках, адреналин зашкаливал; его охватила охотничья горячка, когда все вокруг замедляется и ты знаешь, что никогда не умрешь.

Харрис свернул в переулок, как и предсказывал Соузер. Егерь разгадал его план: заманить Лувейна в узкий проход и шмыгнуть в заднюю дверь кафе Шульца, где прорезана амбразура, а сама дверь стальная. Укрыться там и пристрелить охотника. Не иначе собственный идиот-егерь ему подсказал, из тех, что дешевле обходятся. Сколько платишь, столько и получаешь.

Когда Лувейн тоже забежал в переулок, Харрис уже дергал дверь – запертую, само собой: Соузер позаботился. Дверная ручка, кроме того, включила мощный прожектор, направ-

ленный Харрису в глаза. Жертва, поняв, что ей конец, вскинула пистолет, а Лувейн остановился, навел «уидли» двумя руками и открыл огонь.

Харрис выстрелил только раз, вслепую, и повалился на мусорный бак.

Лувейн в охотничьей горячке пальнул, кажется, пару раз, решил, что слишком высоко целит, взял ниже – и вдруг понял, что расстрелял весь свой магазин из четырнадцати патронов.

Обливаясь холодным потом, он полез в карман за другой обоймой. Будь оно проклято! Старикану только и надо, что выставить свой ствол из-за бака. Но Харрис почему-то не сделал этого. Когда Лувейн нашел и вставил запасную обойму, стало ясно, что Харрис мертв, а охотник выбил немало стекол по обе стороны переулка.

Значит, он опять победил. Лувейн стоял с закрытыми глазами, чувствуя, как из него уходит энергия. Открыв глаза снова, он увидел, что рядом кто-то есть, и не сразу узнал шляпу цвета хаки с синим эмалевым значком охотничьего контроля.

Контролер склонился над мусорным баком с планшеткой и карандашом, определяя статус покойного.

– Сколько у меня попаданий? – спросил Лувейн.

– Ни одного, – сказал контролер. – Следов на нем нет.

– Шутите! Он же умер?

– Ясно, что умер, но вы его не убили. Смотрите сами.

Лувейн посмотрел. Лицо Фреда К. Харриса из Саммита, Нью-Джерси, было мирным, что у мертвых дуэлянтов наблюдается до странности часто.

– Похоже, он шею сломал при падении, – уточнил контролер. – Люди не понимают, как легко это сделать, падая на цилиндрический предмет. Я вынужден объявить эту смерть естественной.

– Пойдите, – сказал Лувейн. – Не надо это писать.

– Почему?

– Потому что мне не зачтут убийство.

– Что вижу, то и пишу. – Контролер послунил огрызок карандаша.

Лувейн спрятал пистолет в кобуру и достал из кармана другое мощное оружие – деньги. Контролер, глядя на них жадным взором, покачал головой:

– Не могу. Крови-то нет. Кто-нибудь заметит, и у меня будут неприятности.

– Будет вам кровь. – Лувейн снова прицелился. – Он не станет возражать, поскольку ничего не почувствует.

– Поздно, – сказал контролер. – Мы не одни.

Старичок в бермудах и старушка в цветастом платье, вероятно его жена, всю щелками фотокамерами. Засняли труп, Лувейна с контролером, друг друга.

– Туристы, – вздохнул контролер. – Надоели до чертиков, но что бы мы без них делали?

Когда пара, не выдержав его свирепого взгляда, ретирова-

лась, Лувейн сунул в руку контролера пару купюр.

– Пишите что хотите, но я должен выглядеть хорошо.

Контролер кивнул, спрятал деньги, подумал и накарябал:

«Причина смерти – перелом шейных позвонков, полученный при попытке избежать неминуемой гибели от руки охотника, мистера Лувейна Доубри».

Так себе причина, но успешную охоту Лувейну все же зачли, и он получил свой бонус. Домой он, однако, возвращался унылый, преисполненный отвращения к себе. Джасинта куда-то ушла, он сидел в темной гостиной один. Как можно промахнуться четырнадцать раз подряд? Он включил вечерние новости. Гордон Филакис из «Шоу Мира Охоты» перечислял сегодняшние убийства. Дойдя до лувейновского, он сказал:

– Жертве не повезло, поэтому никто не заметил, что не повезло и Лувейну Доубри. Возможно, в следующий раз его противник будет удачливее.

Подлец ты, Филакис. Лувейн в ярости выключил телевизор. К черту их всех, он стреляет не хуже прежнего. Даже лучше. Просто полоса такая пошла. Уж в следующий-то раз он покажет, чего стоит. Убьет с несравненным изяществом. Подготовит все так, что комар носа не подточит. Он может себе позволить самое лучшее, и сейчас самое время найти жертву, с которой можно договориться.

Новобранцев записывали ежедневно с девяти до четырех во Флигеле, бетонной пристройке на задах Охотничьей Академии.

– Ты уверен, что хочешь этого? – спросила Нора, проводив Гарольда до самых дверей. – Когда запишешься, обратного хода уже не будет. Компьютер определит твоего первого противника через пару дней, и тебе не позволят уехать с острова, пока ты его не убьешь или... сам знаешь.

– Да, Нора, знаю. Я приехал сюда охотиться и зарабатывать деньги – это самое я и делаю.

– У меня здесь знакомые. Могу устроить тебя барменом, на чаевых хорошо зарабатывают.

– Я не для того ехал, чтоб за баром стоять.

– А я не хочу, чтоб тебя убили! – Нора со слезами прильнула к нему. Гарольд бережно отстранил ее и сказал:

– Ты вот что: жди меня дома. Я приду, как только закончу здесь, и будем собираться на вечеринку.

– Что еще за вечеринка?

– Охотничий бал называется, так Альбани сказал. Вроде бы что-то особенное.

– Охотничий бал? Да это же событие года! Чудесно, Гарольд... только мне надеть нечего.

– Ничего, найдешь что-нибудь. Пока. – Он поцеловал ее

и вошел.

Мистер Бакстер, здоровенный толстяк, выглядевший так, будто вот-вот родит арбуз, с копной черных кудряшек и крошечными очочками, помог Гарольду заполнить анкету и привел его в большой зал со светильниками дневного света. В дальнем конце виднелась ярко раскрашенная дверь с надписью «Аттракционы».

– Заходите в эту дверь и идете по коридорам. Движение одностороннее, не заблудитесь – только назад нельзя поворачивать.

– А что мне делать, когда я войду?

– Защищаться. Вот, возьмите. – Бакстер снял с бокового стеллажа молот на длинной рукоятке и дал Гарольду. – Я буду ждать вас на том конце – если, конечно, все благополучно закончится.

Гарольд взвесил молот на руке.

– Что там, собственно, происходит?

– Самое разное. Я не уполномочен вдаваться в детали.

– И больше никакого оружия мне не положено?

– Нет.

– А когда я получу охотничий бонус?

– Сразу же после испытаний. Если вас ранят при их прохождении, деньги пойдут на оплату больничных счетов. Если убьют, их вручат лицу, указанному вами в анкете.

Гарольд указал Нору.

– И часто там кого-нибудь убивают?

– По мере надобности.

– Простите?

– Согласно статистике, я имею в виду. Никакого подвоха.

– Что значит «согласно статистике»?

– Надо было внимательно прочитать наш проспект. Совет Мира Охоты определяет количество охотников и жертв, могущих безопасно состязаться в городе на данный момент. Если мы выпустим на улицы слишком много участников, воцарится невообразимый хаос. Коэффициент сложности испытаний устанавливается в зависимости от числа желающих записаться.

– Да, понимаю. Какой коэффициент вы установили сейчас?

– Семьсот двадцать пять тысячных.

– Это много?

– Не сравнить с тем, что было три года назад.

– Уже хорошо.

– Но выше, чем в каждый из трех последующих лет. Ваш проход будет записываться на видео – увидите себя в вечерних новостях в случае благоприятного результата. Итак, начинайте.

Гарольд вошел. Дверь за ним, как он и ожидал, автоматически защелкнулась. Он прислонился к ней спиной и постоял немного, приучая глаза к темноте.

Вверху гудели видеокamеры, от стен шло слабое свечение. Коридор примерно через дюжину футов поворачивал влево.

Послышался явно записанный на пленку смешок.

Гарольд двинулся вперед, крепко сжимая свою кувалду. Почему именно кувалда, а не что-то еще?

Позади над его головой захлопало что-то вроде крыльев, и он обернулся, инстинктивно присев. Мимо пронеслось нечто крылатое и клювастое, развернулось и опять понеслось к нему. Механическая птичка – красные глазки мигают, клюв и когти из нержавеющей стали. Миленькая, но неуклюжая. Гарольд сшиб ее молотом и раздавил ногой. Хрупкий механизм тренькнул, и стало тихо.

Гарольд пошел дальше. Теперь ему навстречу двигалось нечто с громким сопением. Похоже на медведя, но нет, быть не может: медведи только в зоопарках остались. Не иначе опять заводная игрушка. Повернув за угол, он увидел существо с козлиным телом, львиной головой и змеиным хвостом. Позже он узнал, что это была копия химеры из греческих мифов.

С химерой он провозился дольше, чем с птицей: у нее, наверно, больше схем было или что там у них в мозгах. Она вильнула в сторону идохнула огнем. Гарольд попятился, подзревая, что сзади тоже надо чего-то ждать, и точно: там возник чудовищный скорпион, прямо из японского фантастического фильма, какие в прошлом веке снимали.

Гарольд поддел его кувалдой и швырнул на химеру. Когда оба чудища сцепились, он обогнул их и пошел дальше. Там его поджидали механические крысы и летучие мыши –

неприятные, хотя не слишком опасные. В драке его пару раз куснули, но не так чтобы сильно.

Он шел теперь довольно уверенно – может, даже самоуверенно, – и это едва не погубило его. С потолка перед ним прыгнул боевой робот, весь в черном, и чуть не обезглавил его своим длинным мечом. Гарольд удачно подцепил меч кувалдой, вдавил робота в стену и раздолбал.

За следующим поворотом, готовый уже буквально на все, он увидел впереди свет и мистера Бакстера, делающего записи на планшетке.

– Ну, как я прошел? – спросил Гарольд.

– Неплохо, но это был легкий вариант испытаний. В этом году стандарты сильно понизили.

– Зачем же вы меня пугали тогда?

– Чтобы вы знали, на что идете, и не замышляли побег.

– А что, бывает такое?

– Довольно часто. Некоторые думают, что можно записаться, получить бонус, а после сбежать.

– Что же им мешает?

– Полиция, что ж еще. Никто из записавшихся в охотники не покинет Эсмеральду, пока не пройдет полный курс.

Они вернулись в большой зал, и Бакстер вручил Гарольду пластиковый значок, чтобы тот носил его постоянно в качестве зарегистрированного охотника. Первого назначения следовало ждать на этой неделе, если компьютер опять не сломается. Мир Охоты также предлагал начинающим совре-

менную версию «люгера 38», но Гарольд, привыкший к своему «смит-и-вессону», отказался.

Затем ему вручили чек на две тысячи долларов, который мистер Бакстер тут же обменял на двадцать хрустящих сто-долларовых купюр. Отправившись напрямиком на почту, Гарольд перевел тысячу долларов Калебу Отту, Кин-Вэлли, штат Нью-Йорк, и пошел к Норе.

Альбани встретился со своим охотником в центре, в магазине сигар недалеко от суда. Джеффрис выглядел несколько бодрее обычного – видно, что готов действовать.

– Мои осведомители сообщают, что ваша жертва проходит здесь каждый день. Он всегда обедает вон там, через улицу, в «Аламо Чили». Говорит, что другой еды не признаёт.

– Что же он ест?

– Бобы с горячим соусом. И говядину.

– Добровольно?

– Он же из Техаса, они там употребляют только местную кухню.

– И как же мне его подцепить?

– Ваша жертва – мечта охотника. После обеда он, всегда с зубочисткой во рту, следует в бар «Лонгхорн» на этой же улице – попить пива.

– Какой сорт он предпочитает?

– А это важно?

– Это позволит мне лучше его понять.

– Он пьет импортное, «Зюдетенланд пильзнер».

– Вот видите, он сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Это стоит запомнить, Альбани. Так какой у вас план?

– Попив пива, он идет обратно в отель. У него хитрые тем-

ные очки – он в них видит, что происходит сзади.

– Плохо дело, – сказал Джеффрис.

– Наоборот, хорошо. Очки дают ему чувство ложной безопасности. На углу Норттрап и Молл, как раз перед поворотом к себе на Седжвик, он попадает в слепую зону – дневной свет так действует.

– Насколько велика эта зона?

– Вы как раз в ней поместитесь, мистер Джеффрис. Вы будете позади и слева, пистолет он достает правой рукой. Он пройдет в десяти футах от вас – легкая мишень.

– Да, хорошо как будто. Как он вооружен?

– «Кольт-магнум 357» в плечевой кобуре и «харрингтон-ричардсон» 5,5 дюйма на лодыжке.

– Недурно.

– Задумка в том, чтобы не дать ему ими воспользоваться.

– Вы уверены насчет слепой зоны?

– Абсолютно уверен. Я обвел ее мелом на тротуаре. Станете там, и он не увидит вас, когда пройдет мимо.

– Хорошо. Превосходно. Думаю, на этот раз у нас выйдет. – Джеффрис проверил магазин своего «моссберг-абилина», «магнум 44». – Я готов.

– Дождитесь, когда он выйдет из «Аламо». Все, пошли!

Джеффрис пригладил волосы, сунул «моссберг» в карман и вышел на улицу. Повернул за угол (Альбани шел за ним), занял позицию на указанном месте. Дразна, заметный издали по ковбойской шляпе и сапогам на высоких каблуках, вы-

шел из «Аламо», зашагал куда следует, дошел до угла. Джеффрис, пропустив его вперед, поднял свой пистолет – и взорвался.

Альбани глазам своим не верил. В чем дело? Джеффриса размазало по тротуару, а Драза достал из кармана длинную черную сигару, откусил кончик и закурил. Подъехала, завывая сиреной, машина с эмблемой Мира Охоты.

– Ваше имя? – спросил вышедший из нее контролер.

– Текс Драза.

– Ничего себе месиво. Что использовали?

– Противопехотную мину под тротуаром.

– Нарушение, – вмешался Альбани. – Устройства, могущие причинить вред посторонним лицам, в Мире Охоты запрещены.

– Она не могла причинить вред никому другому. Была настроена на определенного человека.

– Впервые о таком слышу, – сказал контролер. – И как вы узнали, кто за вами охотится?

– Мало ли как люди себя выдают, – подмигнул Драза. Контролер знал, что некоторые жертвы не скупятся на взятки, чтобы узнать имена охотников, но доказать ничего не мог – в противном случае Дразе пришлось бы выложить *очень* большую взятку.

– Ну что ж, замечаний нет, – сказал контролер.

– Протестую! – вскричал Альбани.

– Почему? Все легально. Вы были его егерем? – Контролер

показал на то, что осталось на тротуаре.

– Да. Заметьте, я ему не советовал. Всячески его отговаривал, так ведь нет, он все знал лучше всех. Я за это не отвечаю.

– Пусть Арбитражный комитет разбирается – по мне, все законно.

Альбани пошел прочь, всей душой ненавидя новомодные фокусы, извращающие самую суть Охоты. С этим надо как-то бороться. Опять штраф плати, ну и денек выдался. Хорошо еще, что вечером Охотничий бал – можно будет напиться и забыть обо всем.

Нора порадовалась, услышав, как хорошо ее земляк прошел испытания. Деньги тоже кстати пришлись: Гарольд, несмотря на ее протесты, дал ей двести долларов.

– За квартиру заплатишь. Не волнуйся, они у меня не последние. А как убью в первый раз, еще получу.

– Не самый легкий заработок.

– Да нет, это просто. Не получится – значит, грохнут меня, и всех дел. Все лучше, чем у нас дома. Я поработал, теперь повеселиться хочу. Пошли на бал.

– Минутку, только переоденусь.

Ушла на это далеко не минутка, но наконец Нора вышла из спальни в белом вечернем платье, накидке из искусственного меха и с замысловатой прической.

– Ну как тебе?

– Леди, вы прелестны. Что это за бал такой, кстати?

– Главное светское мероприятие на Эсмеральде. Сатурналии начинаются вскоре после него.

– Ну, танцы дело хорошее.

– Особенно эти. Там подают изысканную еду, какие хочешь напитки и все известные человеку наркотики.

– Я насчет них не очень. Разве что травку иногда покурить.

– И не надо, если не хочешь. Я просто говорю тебе, чем

там можно попользоваться.

– Ясно. Может, мне купить себе что-то новое? – Саржевый костюм Гарольду почистили и отгладили, но он все равно смотрелся неважно.

– У меня еще вещи Джонсона сохранились. Он был чуть пониже тебя, но шире в груди. Рубашка и пиджак должны подойти, а брюки отпустить можно.

– Черт, почему бы мне просто новый костюм не купить?

– Побереги деньги, Гарольд Эрдман. Тебе еще оружие понадобится и егерь.

– Тут много навороченных стволов продается, но по мне и старый «смит-вессон» хорош. А егеря я одного знаю, Альбани – говорит, что он супер. Работа ему вроде нужна, и возьмет, похоже, недорого.

Охотничий бал давали во дворце мэра, примыкающем к Охотничьей Академии. Служители в униформе ставили машины гостей на парковку и открывали дверцы такси. Все окна дворца светились. Гарольд чувствовал себя не совсем удобно в белом смокинге Джонсона, но выглядел импозантно.

У Норы здесь нашлось немало знакомых. Пока она оживленно болтала с ними, Гарольд одиноко бродил по залу, чувствуя себя в общем-то хорошо. Подошел официант с напитками, и Гарольд взял с подноса что-то зеленое, но не мятный ликер. Потом оказалось, что это «зеленый дьявол» – смесь кокосового молока и ананасного сока, приправленная испан-

ским амфетамином со вкусом корицы. От него Гарольду сделалось не просто хорошо, а прекрасно. Всюду красиво одетые люди, несколько оркестров, буфеты и многочисленные подносы с напитками. Он взял еще одного «дьявола» и залюбовался припудренными плечами женщин при свете люстр. Разговоры до него как-то не доходили – люди здесь выражались несколько странно.

Потом он неожиданно завязал беседу с очень хорошенькой девушкой – ее волосы лежали на голове, как черная блестящая шапочка. Облегающее красное платье открывало великолепные плечи и верхнюю часть маленькой красивой груди. Звали ее Джасинта.

– Мир Охоты – это предохранительный клапан для всего остального мира, – говорила она. – Неудовлетворенные желания могут сказаться самым нежелательным образом; этот простой закон психологии целиком оправдывает Охоту.

– Я думаю точно так же, – заявил Гарольд.

– Не прикидывайтесь тупицей, – весело сказала она. – Эмоции, которые мы определяем как охотничьи, то есть стремление убивать и защищать свою жизнь, нужно постоянно стимулировать для обеспечения здоровой жизни – и личной, и социальной. Это общеизвестно.

– Само собой, – согласился Гарольд.

– Ясно также, что у современного человека эти эмоции атрофировались. Много веков охота на диких животных заменяла все прочие виды насилия. Но затем население увели-

чилось, началась урбанизация, животных всех перебили. Со временем прекратились и войны, и никаких насильственных занятий у мужчин не осталось. Вот Мир Охоты и заполняет этот пробел.

– Замечательно. Откуда вы все это знаете?

– Слушала лекции в Беннингтоне.

– Здоровское место, должно быть.

Веселье было в разгаре. В воздухе стоял синий и желтый дым от различных наркотических средств. Музыка гремела из гигантских динамиков так, что у Гарольда кости вибрировали. Эсмеральдийцы оценивают вечеринки по степени шума и по количеству глупостей, сотворенных участниками.

С последним у Гарольда обстояло неважно. Пил он всегда умеренно, в наркотиках вовсе не смыслил и потому сохранял над собой контроль, хотя голова и покруживалась. Чтобы расслышать Джасинту, он приблизил ухо к самому ее красивому ротуку, и ее маленькие острые груди прижимались к нему в толчее.

Потом Джасинту оттащил молодой человек лет тридцати – высокий надменный блондин с серыми глазами и красивым раздраженным лицом.

– Джасинта, – сказал он, – если ты уже закончила нализывать ему ухо, Том и Мэнди заняли нам столик наверху.

– Я делилась с ним новейшими теориями Охоты. Гарольд, это Лувейн, мой кузен.

– Очень приятно, – сказал Гарольд, протянув руку.

Посмотрев на нее, как на дохлую рыбу, Лувейн смерил Гарольда взглядом.

– Если вы опять-таки вдоволь пообжимались с Джасинтой, то мы пойдем и позволим вам сохранить свою анонимность – вполне, безусловно, заслуженную.

Гарольд, не зная, смеяться ему или злиться, выбрал нечто среднее.

– Я бы сказал, кто ты есть, но вы тут на Эсмеральде славитесь своим хамством – наверно, это у тебя юмор такой. Скажи мне кто-то такое всерьез, я бы вбил в него правила хорошего тона.

Высказав это с дружелюбной улыбкой, Гарольд испортил весь эффект, упав на официанта, который уронил свой поднос.

– Мне тоже очень приятно, – сказал Лувейн и помог Гарольду встать. – Всем весело, никто не в обиде, только не падайте. Идем, Джасинта.

Она послала Гарольду воздушный поцелуй и ушла с Лувейном. Гарольд почесал в затылке и пошел искать Нору.

– Значит, Гарольд тебе не понравился, – сказала Джасинта. Они уже ушли с бала и пили в портовом ресторанчике пиво с мидиями – старый эсмеральдийский обычай.

– С чего ты взяла? Очень даже понравился – он само совершенство.

– Это еще почему?

– Из него вышла бы идеальная жертва. Чудо что за увальень.

– Он правда немного наивен, – подумав, сказала Джасинта. – Только что прошел испытания и записался в охотники – ты не знал?

– Интересно... отличная потенциальная мишень. Я, кстати, тоже записываюсь на новый круг.

– Ты же только вчера последнюю дуэль завершил.

– И не блеснул, прямо скажем. Надо доказать, что я не утратил таланта.

– Вот будет забавно, если компьютер сведет вас с Гарольдом.

– Не то слово. О таком партнере можно только мечтать.

– Хотя вряд ли.

Лувеин кивнул, и они заговорили о другом, но Гарольд не покидал его мыслей. Действительно отличная мишень, крупный, высокий – не промахнешься, даже если целить высоко,

как Лувейну свойственно.

Назавтра с утра Лувейн поехал к дяде Эзре. Машину он взял городскую, «Бьюик-трицератопс» с пуленепробиваемыми стеклами, суперпрочными шинами, подушкой безопасности и кислородной маской на случай газовой атаки. Двигатель был 30-литровый, с двойным распредвалом, на 24 цилиндра и 2000 лошадиных сил. Требовалась большая мощность, чтобы привести в движение «Бьюик» со стальной обшивкой в дюйм толщиной. Автомобили на Эсмеральде отличались высокой функциональностью.

Броня, конечно, отрицательно сказывалась на ходовых качествах и бензина съедала немерено, но была необходима в таком месте, как Мир Охоты. Всегда найдется придурок, полагающий, что будет очень весело кинуть гранату под едущую машину.

Имелась и другая причина обзаводиться броней: водители на Эсмеральде ездили, как правило, быстро, бесшабашно и неумело. Вследствие этого они то и дело сталкивались, а страхования на острове не было: не кто иной, как лондонский офис Ллойда, объявил, что Мир Охоты страховке не подлежит.

И, наконец, был немалый риск, что в тебя врежется водитель, выполняющий Обязательство неосторожной езды.

У Министерства Охоты Лувейн застрял в вечной пробке,

но кинжальный капот позволял ему протискиваться между не столь удачно спроектированными машинами. Маневр сопровождался жутким скрежетом металла о металл, но благодаря хорошей звукоизоляции это не слишком действовало Лувейну на нервы.

Припарковавшись в третьем ряду у пожарного крана, он взбежал по широким мраморным ступеням министерства. Голуби вспархивали у него из-под ног, маленькая девочка выронила сэндвич с арахисовым маслом, на который он тут же и наступил. Клерк сообщил, что дяди Эзры на месте нет. Возможно, он следит за подготовкой к праздничным боям в Колизее.

Лувейн снова сел в машину и помчался в Колизей. По дороге он скорее нечаянно, чем намеренно, задавил инвалида на коляске с мотором, у которого нагнетатель заело. Это на сто очков приближало Лувейна к званию Водителя Года, и он, хотя и спешил, дождался дорожного контролера, чтобы тот зарегистрировал смертельный исход.

Мелочь, а приятно. Быть может, удача снова улыбнется ему. Если бы только дядя Эзра согласился оказать ему одну маленькую услугу.

На этот раз Лувейн припарковался у восточных ворот Колизея. Этот гигантский амфитеатр строили по оригинальному римскому образцу: сначала внешняя четырехъярусная стена с коринфскими аркадами, потом вторая, через которую и выходят на арену.

По обе стороны тянулись ряды сидений, и служители натягивали над ними тенты для защиты от полуденного карибского солнца. На самой арене в путанице черных проводов и незаконченных декораций толклись осветители, звуко- и видеооператоры, непосредственные участники игр. Разноски сэндвичей и напитков усугубляли хаос.

Маленький дядя Эзра с розовыми щечками, розовой лысиной, клочками белых волос за ушами, носом-пуговкой и внушительными бровями, сидел на той стороне арены за столом с чертежами, придавленными парочкой револьверов.

Дядя Эзра принадлежал к числу старейшин Мира Охоты. Сделав большие деньги на нематериальных активах в Лондоне и Париже, он отошел от дел и поселился на Эсмеральде, где стал одним из заправил местной политики. Сейчас он лихорадочно готовился к Большой Раздаче, которая должна была состояться в конце недели и открыть сатурналии.

Сатурналии, главный праздник на острове, включали в себя песни на улицах и повальное пьянство, подобно Мар-

ди-Гра или карнавалу в других местах. Будет также парад, где полуголые девушки разбрасывают цветы с движущихся платформ. Уличные продавцы будут продавать товары, запрещенные в течение всего прочего года – именно это и служит отличительной чертой сатурналий.

В обязанности дяди Эзры входила организация различных игр на арене: поединков, общих схваток, резни, смертельных боев и, конечно, популярного представления «Клоуны-самоубийцы».

В одном по крайней мере Эсмеральдийские Игры превосходили древнеримские гладиаторские бои, бывшие некогда эталоном вульгарной, бессмысленной бойни. Древние римляне за неимением двигателей внутреннего сгорания не могли поставить впечатляющие механические сражения. (Хотя столкновение четырех быстроходных колесниц посмотреть, безусловно, стоило.) А вот животные в Эсмеральдийских Играх не участвовали. Никто не хотел видеть, как убивают больших зверей: слишком мало их осталось даже и в зоопарках. Убивать надо гомо сапиенсов, разумных млекопитающих, которые довели мир до теперешнего его состояния.

Представлениям полагалось быть похожими на прошлогодние, но в чем-то и отличаться от них, чтобы организаторов не упрекнули в недостатке оригинальности. Эзра постоянно совещался с постановщиками аварий, декораторами смерти, концептуальными поп-смертельщиками и другими

специалистами.

Кульминационным моментом Игр станет Большая Раздача. Пара дуэлянтов, выбранная из всех задействованных на данный момент, сразится в Колизее при полном аншлаге, причем то, каким оружием и на каких условиях они будут сражаться, откроется только в начале боя.

Лувейн всегда хотел попасть в Большую Раздачу: это кратчайший путь к бессмертию – все равно, победишь или проиграешь. Но к этому номеру программы дядя Эзра отношения не имел. Большую Раздачу устраивало «Шоу Мира Охоты», а пару выбирал телеведущий Гордон Филакис, общий любимец.

– Здравствуй, дядя Эзра, рад тебя видеть, – сказал Лувейн.

– Здравствуй, Лувейн. Смотрел клип твоей последней охоты в ночных новостях. Забавно, ничего не скажешь.

– Мне так не показалось.

– Еще бы, но признайся, что это смешно: жертва валится на мусорный бак и ломает шею, а ты все окна по соседству высаживаешь.

– Нельзя ли поговорить о чем-то другом?

– Конечно, мой мальчик. О чем, к примеру?

– Я записываюсь на следующий цикл.

– Отличная мысль – но, может, тебе сперва пройти коррективный стрелковый курс?

– Я стреляю нормально, просто мне сейчас не везет.

– Со всеми бывает. Глядишь, и повезет.

– Я как раз и планирую ускорить этот процесс.

– Превосходная установка.

– Но мне нужна твоя помощь.

– Если требуется подстроить чью-то смерть, то я говорил, что больше не стану этого делать, – отрезал Эзра.

– Нет-нет, ничего такого. Я и сам преотлично могу убить.

– В чем же тогда проблема?

– Ты, вероятно, согласишься, что для хорошего результата нужен хороший противник. Так говорили во времена испанской корриды.

– Да, но при чем тут я? Если хочешь, чтобы я быка тебе подогнал...

– Да нет же. Все очень просто. Некий Гарольд Эрдман только что записался на свой первый цикл.

– Что ж тут такого, люди это все время делают.

– Мне надо, чтобы компьютер выбрал меня его жертвой.

– Это против правил.

– Ясно, что против, потому я тебя и прошу.

– В этом городе я пользуюсь репутацией честного человека, мой дорогой.

– Так ведь мы никому не скажем. Да, это нарушает правила, но не противоречит их духу.

– В чем же разница?

– Дух правил в том, чтобы обеспечить хороший бой. Если поможешь, я гарантирую, что бой будет лучше некуда.

– Что ты в этом парне нашел – у него нога сломана?

– Нет, он целехонек, просто новенький. И неуклюж малость, и глуповат.

– Да, умеешь ты их выбирать. И впрямь идеальная жертва.

– И то, что он не будет знать, что я знаю, что на меня охотится он, тоже не помешает.

– У тебя будет большое преимущество.

– Конечно, но я это делаю ради хорошего шоу. И чтобы зрители клипов вроде последнего не смеялись, слыша нашу фамилию.

– Не хотелось бы нарушать... но ты прав – нехорошо, что над нами смеются, хотя твоя последняя охота в самом деле была смешная.

– Ну так как, дядя, сделаешь?

– Посмотрим, – подмигнул Эзра. – А теперь беги – ты же видишь, я занят.

Несколько дней спустя Гарольд пошел на портовый рынок, где прежде была городская ратуша. В живописных ларьках под ржавой железной крышей, раскрашенной в бело-розовую полосу, продавались цветы, одежда, продукты. Здесь были выставлены товары со всей планеты и даже из Марсианской колонии.

Настроение у Гарольда было хорошее. На оставшиеся деньги он прикупил себе кое-что из одежды, запасася патронами к «смит-и-вессону» и снял меблированную квартиру в Старом Квартале недалеко от Норы.

В цветочном ряду он увидел девушку, с которой познакомился на балу – Джасинту. Выглядела она потрясающе даже в простом белом платье; со своей стильной стрижкой и вызывающе красным ртом она казалась ему экзотическим созданием неизвестного ранее вида.

Джасинта спросила, как ему нравится Мир Охоты.

– Это лучшее, что было в моей жизни, – сказал он.

– Вы, наверно, из какой-нибудь бедной провинции. Я бы там не смогла жить – у нас, слава богу, семья богатая.

Отец Джасинты владел сетью мясных магазинов, охватывающей все Штаты. Натуральное мясо пользовалось в Америке большим спросом и продавалось по астрономическим ценам. Джасинта не забивала свою хорошенькую головку

финансовыми вопросами и путешествовала исключительно первым классом, сознавая, как ей повезло: денежные заботы сделали бы ее угрюмой и некрасивой.

После ланча в одном из очаровательных рыночных кафе Гарольд предложил показать ей свою новую квартиру – однокомнатную, но со стальными ставнями и встроенной сигнализацией. Когда они пришли туда, в почтовом ящике лежало письмо с печатью Мира Охоты: скрещенные револьверы на поле из обнаженных мечей.

– Уведомление об охоте! – воскликнула Джасинта. – Как это волнительно!

Итак, его первая дуэль официально открыта, и жертву зовут Лувейн Дубри. Джасинта, прочитав это имя, раскрыла свои большие зеленые глаза еще шире.

– Лувейн! Ты будешь сражаться с Лувейном!

– Да, вот так совпадение. Он один из немногих моих знакомых здесь, в городе. Теперь мне придется его убить – хотя мы вообще-то не слишком друг другу глянулись.

Джасинта призадумалась и вскоре ушла. Ей казалось странным, что из всех возможных комбинаций компьютер выбрал первой жертвой Гарольда не кого-нибудь, а Лувейна. Она слышала, что в Охоте всегда участвуют не меньше двадцати пяти тысяч человек – а может, и все двести пятьдесят тысяч. На следующем курсе у нее математика – надо будет вычислить вероятность такого выбора.

В дверь позвонили. Тереза пошла открывать и сказала:

– Это к тебе.

– Кто? – спросил Альбани.

– Гарольд какой-то.

Альбани, дремавший в шезлонге с «Всемирной энциклопедией комиксов» – он старался сочетать просвещение с удовольствием, – вскочил, завязал потуже муаровый халат, расправил плечи, нацепил улыбку и пошел встречать гостя.

– Гарольд! Добро пожаловать, заходи. – Он кивнул Терезе, дав знак подать вино с маковым печеньем, и повел Гарольда в солярий. – Ну как тебе здесь?

– Пока не жалуясь, – сказал Гарольд в своей приятной неспешной манере.

– Будем надеяться, что и дальше жалоб не будет. – Альбани суеверно скрестил пальцы и даже глаза скосил. – Вот, располагайся. Тебе очень повезло, что ты в это время года приехал, как раз к сатурналиям подгадал. Если уж помирать где, так это в Мире Охоты на сатурналиях. Я, конечно, не имею в виду, что ты непременно отдашь концы. Уведомление получил уже?

Гарольд вручил ему письмо. Альбани прочел и наморщил красивый лоб.

– Лувейн? Надо же!

– А что тут такого?

– Несколько удивительно, что для человека, приехавшего всего несколько дней назад, компьютер выбирает первой жертвой одного из знакомых.

– Джасинта тоже так подумала, ну да какого черта. Он подписывался убить или быть убитым, я тоже. И то, что он сильно мне не понравился, делу не помешает. Скорей бы грохнуть его и покончить с этим. Я потому и пришел, Майк: хочу, чтобы ты был моим егерем.

Тереза принесла вино и печенье.

– Гарольд хочет нанять меня в егери, – сообщил ей Альбани.

– Лучше никого не найдете, – заверила преданная жена.

– Себя хвалить негоже, но спорить не стану. Его жертвой будет Лувейн, Тереза.

– Слышала, как же. Неряшливо убивает.

– Мягко говоря. Последняя его жертва погибла, сломав себе шею – куда уж неряшливей.

– Я в этом деле новичок, – сказал Гарольд, – но неряшества не люблю.

– Вопрос в том, везучий ли ты. Лувейн бракодел, но везучий, и это, похоже, убойная комбинация.

– По-моему, мне тоже везет.

– Там увидим. – Альбани мигнул Терезе, она потихоньку вышла. Мужчины выпили вина, закусили печеньем, и егерь сказал: – Из-за сатурналий у меня график довольно плотный,

но тебя уж как-нибудь втисну.

– Рад слышать. Думаю, мы с тобой будем хорошей командой.

– Всей душой на это надеюсь. Ну-с, начнем с моего гоночара.

– Это моя единственная проблема, – признался Гарольд.

– Почему? Ты же получил бонус?

– Получил и почти весь потратил. Деньги будут только после убийства.

– Проклятье. Ситуация довольно типичная, но дела так не делаются.

– Я выдам тебе все с хорошей надбавкой, как только завою Лувейна.

– Очень мило с твоей стороны, но здесь следовало бы сказать не «когда», а «если».

– Ну, с таким егерем я почти не сомневаюсь в успехе.

Лесть Альбани нравилась. Что ему не нравилось, так это работать за так, но он очень нуждался в этой работе. Если Гарольд убьет, это сильно поправит дела его егеря.

– Что ж, ты не оставил мне выбора. Я согласен.

– Значит, надежда не обманула меня.

Они обменялись рукопожатием, и Альбани позвал Терезу.

– Унеси вино и принеси ему воду. Начинаем тренироваться. Подберем тебе оружие и поедем на стрельбище.

– А нельзя сразу пойти и прикончить его?

– Пока рановато, но мне нравится твой настрой.

Альбани отвез Гарольда в тренировочный центр, которым бесплатно, за государственный счет, пользовались как жертвы, так и охотники. Здесь имелись площадки для баскетбола и волейбола, плавательный бассейн и всевозможные тренажеры. В фехтовальном зале сражались на саблях, рапирах, длинных кинжалах, даже на топорах и дубинках. Рядом помещались бани и комнаты для массажа.

– Оружейные там, – сказал Альбани.

– Не хочу показаться наивным, но зачем они быются врукопашную? Просто так, ради фитнеса? Не представляю, как это спасет их от огнестрела.

– Самые известные охотники, чтоб ты знал, не пользуются огнестрельным оружием. Выходят с голыми руками или с ножом.

– Против пуль?

– Пуля тоже не всемогуща. Если не поразишь цель с первого выстрела, у тебя возникнут проблемы. Раненый противник может быть очень опасен, особенно если он принимает берсеркий.

– Это еще что такое?

– Лекарственное спецсредство. Многие принимают перед охотой. Ты его не чувствуешь, пока не получишь ранение или не испытываешь стресс – тогда тебе в кровь поступает повы-

шенная доза адреналина, и ты можешь наворотить черт-те что. Действует всего несколько минут, и после этого ты уже ни на что не способен.

– А Лувейн как, владеет боевыми искусствами? – спросил Гарольд.

– Ему присвоены разные степени мастерства в кун-фу, фехтовании на ножах, мечях и дубинках и еще в чем-то. По моему, он даже других обучает.

– М-да, – сказал Гарольд.

Альбани протянул ему кожаный футляр с медными уголками.

– Вот, пользуйся – только верни потом. – Внутри, в гнезде из красного шелка, лежал «SSK 45–70» с четырнадцатидюймовым стволом. – Возьми его в руку, оцени баланс.

Пистолет – тяжелый, вороненый, с вставками из полированного ореха – легко уместился в большом кулаке Гарольда. Тот полюбовался и сказал:

– Красивая вещь, но я уж останусь при своем «смитвессоне».

– Модель сама по себе неплохая, но твой экземпляр старый, и ухаживали за ним, видимо, неважнецки. А если боёк откажет? Возьми лучше «SSK».

– Не хочу упрячиться, но раз на спуск нажимать буду я, то сам и решу, на чем его нажимать.

– Ладно, не стану спорить. Посмотрим, как ты стреляешь. Сначала Гарольд просто имитировал стрельбу, пока Аль-

бани не считал, что у него получается достаточно гладко, потом перешел к стрельбе по мишеням, где продемонстрировал неплохую природную меткость и твердую руку. Сначала он вообще не попадал по мишени, но быстро исправился.

– Реакция у тебя просто блеск, – сказал Альбани. – Недурно, совсем недурно.

– А Лувейн хороший стрелок?

– Прекрасный, когда он в форме. Ты мог бы стать таким же через пару месяцев или даже недель.

– Но у меня столько нет?

– В том-то и дело. Давай посоветуемся с одним моим другом.

В комнатке рядом со спортзалом маленький, очень старый китаец с тонкими усиками и в шляпе с завернутыми кверху полями – как у Чарли Чана в старых фильмах – наблюдал на маленьком экране за стрельбами в тире.

– Мистер Чанг, это мой друг и клиент Гарольд Эрдман.

– Очень приятно, – сказал Чанг с сильным британским акцентом. – Я следил за успехами твоего протеже.

– Мистер Чанг – крупнейший специалист по лишению жизни и выживанию. Если кто тебе и поможет, то это он.

– Оставь меня наедине с мистером Эрдманом, – попросил Чанг. Альбани с поклоном вышел, а китаец предложил Гарольду стул, налил ему чаю в чашку тонкого фарфора и спросил: – Как вы расцениваете свои шансы?

– Да нормально все, – сказал Гарольд.

– Почему вы так думаете?

– Не знаю... Просто считаю так.

– А если бы я посоветовал вам уносить ноги, пока вы живы?

– Я попросил бы вас дать такой же совет моей жертве.

– Любите острые ощущения, – предположил Чанг.

– Да. Малость нервничаю, но буду в порядке, когда время придет.

– Обучить вас боевым искусствам мы уже не успеем. Скажу вам только одно и хочу, чтобы вы внимательно меня выслушали. В момент опасности можно получить перевес, сделав то, чего противник не ожидает.

– Да, я уже слышал нечто подобное.

– Истина всегда очевидна. Главное не то, что ты умеешь, а то, что используешь в нужный момент. Ваша жертва – Лу-вейн?

Гарольд кивнул.

– Тогда я советую вам покончить с ним как можно скорее, – сказал старик и позвал: – Альбани!

Тот мигом явился на зов.

– Да, мистер Чанг?

– Парень хоть и неуклюжий, но хладнокровный. Чем скорее он проведет свою первую схватку, тем лучше. Не играйте с жертвой, приканчивайте ее. Больше мне сказать нечего. Желаю удачи.

– Что дальше? – спросил Гарольд, когда они вышли.

– Я выясню, где обретается Лувейн, и ты с ним покончишь.

– Так все просто?

– Если бог даст.

– Ну, как тебе новый клиент? – спросила Тереза. Она всегда спрашивала мужа о делах, когда он приходил домой вечером, чтобы он мог прихвастнуть и хоть ненадолго забыть, как испортил жизнь им обоим. Этому мудрому ходу ее научила мать.

– Умеет сосредоточиться и настроен очень решительно.

– А стреляет он как?

Альбани немного сник.

– Глаз верный, и он не дергается, когда жмет на курок.

Практики только не хватает – через полгода он стал бы лучшим стрелком в этом городе.

– Оружие быстро выхватывает?

– Пока нет, но если дать ему время...

– Майк, – слегка насторожилась Тереза, – времени у него нет. Ему надо драться прямо сейчас.

Альбани достал из холодильника пиво и прошел в гостиную, напевая что-то себе под нос. Тереза, окончательно убедившись, что дело неладно, отложила вязание и сказала:

– Снова полного идиота в клиенты взял, Микеланджело?

– Ничего подобного. У этого парня природный дар.

– И что это означает?

– Каждый рождается на свет с каким-нибудь даром. Есть прирожденные художники, есть автомеханики. Есть при-

рожденные егеря вроде меня. Это я и хотел сказать.

– А он, выходит, прирожденный охотник?

– Бери выше. Мне думается, он прирожденный убийца.

– Разве не все охотники убийцы? – удивилась Тереза.

– Да, они убивают, но это еще не делает их убийцами.

Многие просто играют в Охоту, как дети малые, вот только пули у них настоящие. Бам, бам, ты убит. Но Гарольд – он не играет. Он серьезный молодой убийца и пойдет далеко. Не я один так думаю – Чанг тоже разглядел в нем немалый потенциал.

– Что ж, я рада, что у него есть шанс, раз ты его егерь.

– Все, кроме нас с Чангом, думают, что он просто клоун.

– Охотно верю.

– Букмекеры предлагают против него двадцать к одному – ты хоть раз слыхала о таких ставках?

Тереза почувствовала, что худшее еще впереди.

– Очень уж соблазнительно... и Чанг того же мнения... вот я и поставил на Гарольда.

Тереза вскочила, вязание покатилося на пол.

– Майк, у нас же совсем нет денег! Букмекеры теперь что, в кредит принимают?

Лицо Альбани выразило крайнюю степень конфуза.

– Вообще-то я дом заложил...

– Майк! Это же последнее, что осталось!

– Послушай, ну какой из меня егерь, если я не ставлю на своего? И потом, мне надо выполнить Обязательство игрока,

чтобы не нарушать Закон о финансовом неблагоразумии.

– Нельзя было трогать дом. Если Гарольд проиграет, мы оба окажемся в рабстве. Ты ведь знаешь, что правительство не терпит бездомных.

– Гарольд победит. Я в этом уверен, как никогда. Поэтому поставил на него все. Все буквально.

– Говори. Что еще ты сделал?

Альбани шумно вздохнул.

– Я поставил у Толстяка Фредди еще десять тысяч... под залог тебя. Но ты ему не достанешься. Гарольд...

– Я верно расслышала? Ты заложил меня, чтобы поставить деньги на своего деревенского олуха?

– Ну да. Если Гарольд все-таки проиграет, меня возьмут в рабство и, возможно, закатают на свиноферму, а ты станешь собственностью Толстяка Фредди – не так уж плохо, учитывая все прочие варианты. Не говори, что я плохо о тебе позаботился.

– Ой, Альбани, – завывла Тереза.

– Не волнуйся. Он победит.

Тереза, молниеносно приняв решение, взяла себя в руки. Она избавит Альбани от труда на свиноферме: убьет его сама, если он продует. Толстяк Фредди в самом деле не так уж плох, если на лицо не смотреть – и семью, говорят, хорошо обеспечивает.

– Что ж, тебе лучше знать, – сказала она. – Надеюсь, все выйдет по-твоему.

– Считай, что деньги уже у нас. – Альбани не впервые поздравил себя с тем, что взял покладистую жену. Другая бы пополам его распилила за то, что он сделал ее ставкой на никому не известного, необстрелянного охотника, а Тереза вот ничего.

Она ушла на кухню готовить ужин – бифоид в остром псевдотоматном соусе, любимое блюдо Альбани. Скоро ей, может, придется готовить для Толстяка Фредди, а он, по словам одной из ее подружек, бифоид терпеть не может. Ему подавай фальштелятину или суперэрзацсвинину. Если Гарольд оплошает, она, возможно, никогда уже не будет стряпать бифоидное жаркое. Странно устроена жизнь.

Нора сидела, поджав ноги, на подоконнике и смотрела на улицу. С искорками солнца в белокурых волосах она выглядела очень красиво.

– Как, говоришь, называется эта коммуна, Гарольд? – спросила она.

– Какая коммуна?

– Про которую ты рассказывал. Куда Кэтскилл-Кид собирался.

– А-а. Испанидад вроде бы. На озере Окичоби.

– И что, хорошо там?

– По его словам, да – а что?

– Ты мог бы жить в таком месте?

– Коммуна – та же ферма, только название позаковыристей, – засмеялся Гарольд. – Хватит с меня сельхозработ.

– Но там же все по-другому. Там все работают наравне и всем делятся.

– И поют испанские песни? Как ни поверни, это все те же сельхозработы, Нора.

– А ты, значит, окончательно покончил с сельским хозяйством?

– Пока что мне и здесь хорошо. Не так уж это и трудно, жить в городе. Ты всерьез хочешь поселиться в латинской коммуне, Нора?

– Нет, это я так, фантазирую. – Она слезла с подоконника. – Мне нравится Эсмеральда. Особенно теперь, когда ты приехал.

– Ну и отлично.

Джасинта обедала с дядей Эзрой в Охотничьем Клубе. Подавали им исключительно натуральные продукты, которые Джасинта не очень любила. В колледже она питалась одними зеробургерами без калорий и углеводов, но приучала себя к натуральной еде, зная, как дорого она стоит. Ее учили, что вкус к дорогим вещам можно приобрести, если постараться как следует.

Они сидели на крыше самого высокого здания Эсмеральды. Там было всего двадцать два этажа, но сверху открывался прекрасный вид на весь остров.

Громадный настенный экран, настроенный на «Шоу Мира Охоты», показывал толпы зевак, глазеющих на покрытые плотным телом, лежащие в лужах крови на углах улиц. Когда экран реагировал на смену атмосферных условий, кровь зеленела.

– Здравствуйте, – вступил комментатор, – с вами Гордон Филакис. Я расскажу вам о сегодняшних событиях Мира Охоты. Лютеру Фабиусу из Берлинсберга в Западной Германии засчитано чистое убийство Биффа Эдмондсона из канадского Калгари. Если меня слушают друзья и родные Биффа, хочу сказать, что умер он быстро, делая то, что хотел. Трехкратный победитель Эл Мактаггерт из Бойсе, штат Айдахо, успешно выбил пятикратного, стрелявшего с обеих рук

Эрнана Ибаньеса из Буэнос-Айреса. А вот свежее сообщение: Эл Смит из Лансинга, штат Мичиган, уложил Эдварда Грига с гавайского острова Оаху, но был оштрафован на десять очков, ранив из автомата несколько человек на улице. Так ты Охотником Года не станешь, Эл...

Теперь случай повеселее. Максвелл Сантини, официант из отеля «Сюрфитер Армс», доставивший в номер мистера В. С. Микклстона из Лондона сэндвич с ветчиной и сыром на ржаном хлебе, получил метательный нож в грудь и погиб. Мистер Микклстон утверждает, что Сантини не постучал, а «вошел без предупреждения, когда я упражнялся с добрым старым стилетом». Профсоюз Сантини заявил, что постояльцем руководили личные мотивы – сэндвич запоздал больше чем на час, – и передал дело в суд. Судья оправдал охотника, сказав, что «официант – не столь большая потеря».

Джасинта вскинула руку и свернула экран, убрав картинку и звук.

– Надоело до ужаса. У Лувейна тоже всегда телевизор включен.

– Да ну? – (На Эсмеральде это выражение употребляли только люди почтенного возраста.) – Как он там, кстати?

– Пока нормально, ничего еще не произошло. Забавно, что компьютер подобрал в пару именно этих двоих. Крайне маловероятно, не так ли?

Эзра улыбнулся и подмигнул.

– Твоя работа, дядя?

– Я ничего не делал, только попросил Охотничий компьютер оказать мне услугу. Он небось знает, с какой стороны его схемы маслом намазаны.

– Я думала, компьютеры ничего такого не могут.

– Смогут, если ввести в них программу принудительного совмещения.

– Ты смошенничал, чтобы соединить Лувейна и Гарольда! Гадкий старикашка!

Эзра просиял – ему нравилось, когда хорошенькие девушки так его называли.

– Ну да, по просьбе Лувейна. Надо обеспечить мальчику легкую добычу, Джасинта. Вернуть ему уверенность. Он ведь хорош был, очень хорош. Город давно такого классного убийцы не видел. И он вернет себе былой класс, если немножко ему помочь.

– Но это нечестно.

– Ради семьи не грех и смошенничать, – пожал плечами Эзра.

Джасинта вернулась домой, задумавшись несколько глубже привычного. Она оказалась перед дилеммой, не будучи уверенной, что мошенничество допустимо даже ради семьи. Тем более если оно приведет к смерти Гарольда, который ей приглянулся – оставалось только добиться, чтобы он пригласил ее на свидание.

Чем больше она думала, тем больше убеждалась, что это

неправильно – понять бы еще, почему и как ей, собственно, с этим быть. Монетку подкинуть? В конце концов она отложила рассмотрение этого вопроса, приняв шотворное.

Гарольд прилег было вздремнуть в своей новой квартире, и тут ему позвонил Альбани.

– Гарольд, срочно ко мне.

– А что случилось-то?

– Кое-что неотложное. Быстро дуй сюда и оружие не забудь.

Гарольд был одет – оставалось только кроссовки зашнуровать и проверить барабан «смит-и-вессона». Альбани настоял, чтобы револьвер посмотрел оружейник, который заменил ствол и все движущиеся детали. Гарольд пострелял из обновленного «смит-и-вессона» и признал, что тот стал бить более метко, хотя в руке, что важно, ощущался привычно.

Тереза проводила его в подвал, где помещался офис Альбани. На стенах висели подробные карты города и всего острова, на столе стоял коротковолновый приемник с панелью настройки. Здесь же находилась бронзовая статуэтка роде-новского «Мыслителя» – знаменитая премия «Мастер Смерти», вручаемая лучшему егерю года. Альбани получил ее пять лет назад, когда легендарный Санчес был еще жив.

Альбани, говоря по телефону и уплетая при этом пиццу, показал Гарольду на стул. Гарольд убрал стопку давнишних журналов «Человекоубийство» и сел.

– Да... слышу, да... – говорил Альбани.

– Хотите мини-пиццу? – спросила Тереза.

– Да, мэм!

– Есть с анчоусом и с пепперони. Вам какую?

– На ваш выбор, – сказал Гарольд, явно имея в виду и ту и другую. Тереза принесла ему по две штуки каждого вида и стакан пива.

– Пива ему не давай, у него тренировочный режим, – распорядился Альбани и вернулся к телефонному разговору: – Да... да...

– Очень вкусно, – похвалил Гарольд.

– Мамин рецепт, сицилийский.

– Сейчас выходим, – сказал в телефон Альбани. – Дальше будем держать связь по рации, пятый канал. – Он повесил трубку и сказал Гарольду: – Кажется, мы его засекали.

– Лувейна?

– Кого ж еще, Сейзу Питтс⁶, что ли? Лувейна, большого и наглого. Только что зашел в один бар в Латинском Квартале, «La Petite Moue»⁷ называется. Заказал двойной дайкири с замороженной клубникой. Надо брать этого поганца прямо сейчас.

– Прямо сейчас?!

– Нет, до следующего четверга подождем. Револьвер при тебе? Заряжен? Дай посмотрю.

---

⁶ Американская актриса, снимавшаяся сначала в немом, затем в звуковом кино, где сыграла много комедийных ролей.

⁷ Здесь «Надутые губки» (*фр.*).

– Да ладно тебе.

– Я твой егерь, это моя обязанность. – Он осмотрел револьвер и вернул его Гарольду. – Все, пошли.

– Как же он так сидит у всех на виду? Может, ему еще уведомление не доставили?

– На это надежды мало, хотя и такое случалось.

– Нечестно ведь его убивать, если он даже не знает, что на него кто-то охотится.

– Вполне себе честно – потом объясню. – Альбани снял со стены охотничье ружье с инфракрасным прицелом, убедился, что оно заряжено, сунул в чехол.

– А это зачем? – спросил Гарольд.

– На случай, если Бог в безграничном своем милосердии поставит его за пределами пистолетного выстрела.

– Не кощунствуй, Микеланджело, – укорила Тереза.

– А кто тут кощунствует? Я молюсь. Пошли, Гарольд, – вечно он там сидеть не будет даже с клубничным «дайкири».

Застекленный фасад «Ла птит му» выдавался на троуар.

– Точно, он, – сказал Альбани, изучив интерьер кафе в сильный бинокль из входной ниши бара напротив. – Посмотри сам.

Гарольд посмотрел. Лувейн склонил свой длинный нос над необычайно большим и ярким стаканом.

– А ты молодец, что винтовку взял. Можно его снять прямо через окно.

– Забудь, оно пуленепробиваемое, – сказал Альбани. –

Глянь-ка лучше налево: у них боковая дверь открыта. Обходишь вокруг квартала, проходишь мимо того почтового ящика и стреляешь в эту самую дверь. Револьвер достаешь в последний момент, иначе сбегутся зеваки и все испортят. Понял?

– Понял.

– Ну так иди.

Гарольд не сразу двинулся с места – Альбани подумал даже, что его парализовало со страху. Только этого ему и не хватало – дебютант-охотник, испытывающий страх перед сценой. Надо было настоять на авансе.

Потом Гарольд кивнул и вышел на улицу. Альбани ощутил нечто вроде теплого чувства: похоже, с парнем все будет в порядке.

Лувейн не мог понять, на кой черт он заказал двойной клубничный «дайкири». Потому, наверно, что стакан с ним достаточно большой и достаточно яркий, чтобы заметил даже такой тупой егерь, как Альбани, и его тупые агенты. Он отпил глоток – приторно, как всегда. Затрещал крошечный передатчик в ухе: Соузер, сидящий на крыше, вышел на связь.

– Оба на месте, Альбани и Эрдман. Стоят у входа в бар через улицу, осматриваются.

– Скорей бы уж, – пробормотал Лувейн в такой же крошечный горловой микрофон. – Голова болит от этого поила.

– Гарольд выходит, – продолжал рапортовать Соузер. – Идет в обход квартала, как я и предполагал. Вы готовы?

Лувейн кивнул, но вспомнил, что Соузер сквозь пять этажей бетона и стали его не видит, и сказал вслух:

– Готов.

– Зеркало в порядке?

– Да, отлично работает.

В телескопическое зеркало, прикрепленное Соузером к стене, Лувейн видел улицу, по которой должен был прийти Гарольд. Когда тот появится, Лувейн с помощью пульта, замаскированного под пачку сигарет, задействует дробовик, который Соузер пристроил в почтовый ящик. Кнопку надо нажать в тот самый момент, когда Гарольд покажется в зеркале – об остальном позаботится двустволка на расстоянии десяти футов. Неплохой план, хотя придумали его наспех – самое главное, что Альбани купился. Только бы никто не прошел мимо почтового ящика перед Гарольдом. Дяде Эзре стоило некоторого труда уладить дело несколько дуэлей назад, когда Лувейн метнул ручную гранату в людном универмаге и уложил, кроме своей цели, еще несколько человек. По иронии судьбы, там как раз была распродажа бронежилетов.

– Поворачивает за угол, – доложил Соузер. – Приготовьтесь, он всего в десяти футах от ящика... нет, подождите...

– Что? Что там у вас?

– Остановился.

– Как то есть остановился? С чего?

- Разговаривает с кем-то. Боже ты мой!
- С кем? Кто там с ним?
- Чертов Гордон Филакис!

В Мире Охоты семь телевизионных каналов. Шесть из них, спутниковые, транслируют передачи американского телевидения; седьмой, круглосуточный, целиком посвящен Охоте, и заведует им Гордон Филакис.

У него квадратное загорелое лицо, большая челюсть и короткая стрижка. Комментирует он с пулеметной скоростью и не теряет, даже когда сказать особенно нечего, что в прямом эфире бывает нередко.

– Привет-привет. Гордон Филакис ведет свое шоу прямиком из столицы убийц, доброй старой Эсмеральды на солнечных Карибах. Да, друзья, это убийственная программа, которую можно видеть в любой точке планеты. Некоторые правительства пытались ее заблокировать, считая, что вас следует оградить от показа честного убоя в прямом эфире, ограничившись фейковыми криминальными сериалами. Но вы им не позволили – снимаю перед вами шляпу за это. Когда нас блокируют, вы покупаете наши кассеты на черном рынке, зная, что нет ничего плохого в показе документальных насильственных сцен, если в них участвуют только взрослые люди с обоюдного согласия.

Сейчас наша съемочная команда вновь вышла на улицы Эсмеральды. Мы берем интервью у охотников, снимаем убийства вживую, вводим вас в захватывающий мир наси-

лия.

– Простите, сэръ, по вашему значку видно, что вы охотник. Это у вас «смит-и-вессон», не так ли?

– Чего? Ну да... Прошу извинить, мне надо...

– Сколько дуэлей у вас на счету, мистер...

– Эрдман, Гарольд Эрдман. Эта первая.

– Дебютант! Как вам это, дорогие друзья? Откуда вы приехали, Гарольд?

– Послушайте, поговорим в другой раз, а? У меня...

– Туристская тошниловка? Или охотничья отрыжка, как иногда говорят?

– Нет, ничего такого.

– Так в чем же дело? Не стесняйтесь, мы здесь люди простые и все пойдем. Свидание с девушкой?

– Ну, если хотите знать, я собирался кое-кого убить.

– А, так вы охотитесь! Что ж сразу-то не сказали? Теперь уже поздно, пожалуй. Но вы не волнуйтесь, выследите еще свою жертву. Вы ведь не обижаетесь на меня, Гарольд?

– Может, оно и к лучшему, – усмехнулся охотник. – Не нравился мне что-то этот расклад.

– Охотничье чутье, – важно кивнул Филакис. – Все победители Охоты им обладают. Кто ваш егерь, Гарольд?

– Майк Альбани.

– Один из самых известных и популярных мастеров старой школы. Последнее время ему не везло, но вы вернете ему удачу, верно ведь, Гарольд?

– Я постараюсь.

– Знаете, Гарольд, мне не по себе оттого, что я лишил вас шанса убить свою жертву. Хотелось бы как-то это вам возместить. Вы еще не обедали?

Гарольд не обедал.

– А не хотите ли в таком случае стать гостем нашего ресторана? Прямо сейчас. Отведаем лучшие на острове блюда и повеселимся, надеюсь.

Филакис взял Гарольда под руку и повлек за собой, сопровождаемый операторами и кучкой зевак, стремящихся попасть в камеру и увидеть себя в телевизоре.

Так они дошли до ресторана под названием «Le Morgon»⁸. Филакис, Гарольд, операторы, осветители, ассистентки и стажеры-рекламщики втиснулись в вестибюль, где их встретили вкусные запахи и маленький озабоченный человек средних лет в белом смокинге.

– Привет, Гордон.

– Привет, Том. Вот, решили проинспектировать твоё заведение.

– О боже, – сказал Том.

– Познакомься с нашим гостем. Мистер Гарольд Эрдман, недавно прибывший на наш солнечный берег, аккредитованный охотник и твой клиент. Все, что от вас требуется, Гарольд, – это кушать и делиться своими впечатлениями.

Том проводил Гарольда к столику, осветители наладили

---

⁸ Сорт вина божоле (*фр.*).

софиты на заднем плане. Положили салфетки и серебряные приборы. Принесли, откупорили и разлили красное вино с французской этикеткой. Гарольд поднес бокал к губам, попробовал, отпил глоток.

– Ну, что скажете? – подмигнул Филакис, и Гарольд все понял. В моменты прозрения человек способен преодолеть даже правила приличия и честной игры, с детства ему внушаемые.

– Неплохо... – протянул Гарольд. «Смотри не подведи», – сказал ему взгляд Филакиса, и он добавил: – Для мытья полов в самый раз.

Это сломало лед. Все блюда, которые им подавали, Гарольд встречал комментариями, сочиняемыми в спешке, чтобы не выглядеть деревенщиной. Иногда получалось удачно – например, с зеленым черепаховым супом, который он обозвал застойным болотом.

Филакис помогал ему, охаивая интерьер, обслуживание, оркестр, хозяйина, хозяйскую жену и даже хозяйского кокер-спаниеля. В это же время Громилы Шоу – четверо амбалов в полосатых купальниках с бейсбольными битами – разносили весь ресторан, кроме того уголка, где Гарольд доедал креп-сюзет, которые расценил как сладкий холодный суп на лепешке: свиньи и те есть не станут.

Эспрессо он вообще выплюнул, за что его наградили аплодисментами.

Когда есть и громить стало больше нечего, Филакис обнял

хозяина за плечи и сказал, что тот вел себя как настоящий спортсмен. Ущерб ему студия, естественно, возместит, а в награду он получит ложу на Охотничьих Играх.

– И тебе спасибо, Гарольд, ты превосходно мне подыграл. Не терпится увидеться с тобой снова – возможно, в выпуске новостей о твоём первом убийстве.

Альбани швырнул верблюжью куртку на стул.

– Ну, как прошло? – спросила Тереза, не отрываясь от телевизора.

– Катастрофа. Жертва была у нас на мушке, но тут приперся клятый Гордон Филакис и стал брать у Гарольда интервью. Вся операция коту под хвост.

– Ничего, дорогой, в другой раз убьете.

– Вряд ли нам так повезет в другой раз.

– Как тебе Гарольд?

– Вполне. На одно хорошее убийство его авось хватит – надеюсь. Нам оно позарез нужно.

– Поправит ли это наши дела? – с грустью спросила Тереза.

– Конечно. За мной сейчас многие наблюдают. Пошли сплетни – не говори, что их нет, – будто я качусь по наклонной плоскости.

– Да как они смеют!

– Мои последние засады сделали примером некомпетентности.

– Знаешь, тут они в чем-то правы. Все дело в Джеффрисе. Альбани поморщился.

– И перед ним тоже был... как его...

– Антонелли. – Альбани скинул пиджак и ослабил гал-

стук. – Не напоминай лучше. – На расходы он не скупился, ну и я ему подогнал все тютелька в тютельку. Шестнадцатилетняя девочка, представляешь? Притом девственница – это ее первая охота была.

– Дети в наше время способны на все.

– Он опять-таки на мушке ее держал – только и оставалось, что нажать на курок, – так нет же, насладиться захотел, сибарит поганый. На девчонке, правда, почитай и не было ничего. Никакого оружия мы не видели. Она как раз и рассчитывала на такую его реакцию и в ту долю секунды, которую он ей дал, задушила его сеточкой для волос.

– Не понимаю, как ей разрешили такое оружие.

– Суть не в этом. Главное, что я не распознал ее сетку как оружие. Еще одно пятно на моей репутации. Ты тоже думаешь, что я конченный человек, Тереза?

– Тебе надо сосредоточиться, вот и все. Есть у него хоть какие-то шансы, у твоего Гарольда?

– Да пес его знает. Шансов у него нет, но победить он обязан, и я добьюсь его победы любой ценой. От этого зависит нечто большее, чем чья-то дурацкая жизнь.

– Уверена, что добьешься, мой дорогой. Давай ужинать.

Лувейн сидел дома в глубокой задумчивости, горько сожалея об упущенном шансе. Пришла Джасинта, посмотрела, как он горбится за рабочим столом, переоделась и снова ушла. Когда стемнело, он приготовил себе легкий ужин из шеек омара на тосте.

Позже явился Соузер, налил себе выпить, сел на хромированный, с кожаным сиденьем шезлонг и стал ждать, когда Лувейн обратит на него внимание.

Тот наконец вышел из ступора, перелистал записную книжку, кивнул и сказал:

– Соузер!

– Да, босс?

– Знаете Хортона Фута?

– Конечно.

– Не скажете, где он сейчас может быть?

– Скорей всего, в баре «Клэнси» на Трокадеро. Пьет и жалует себя.

– Найдите его и приведите ко мне. Немедленно.

– Есть, босс, только ведь он... злейший ваш враг на всем острове.

– Потому-то он мне и нужен.

– Ясно. – Соузеру не было ясно, но он знал, что спрашивать бесполезно: у босса свои секреты.

– И еще...

– Да?

– На выходе скажите швейцару, чтобы мою машину заправили. Не «Бьюик» – «Мерседес».

Егерь хотел было спросить, что задумал Лувейн, но воздержался. Тот сам все скажет, когда захочет.

Весь следующий час Лувейн просидел на телефоне, обзванивая своих городских друзей. Когда он закончил последний разговор, вошел Фут – человек небольшого роста лет под сорок, с красным родимым пятном на коричневом лице. На нем был грязноватый белый костюм, шляпа с лихо заломленными полями и сандалии.

– Садись, – сказал Лувейн. – Налей себе что-нибудь. Ты, наверно, не совсем понимаешь, зачем я тебя позвал.

– Только потому и пришел. – Фут остановил выбор на лучшем хозяйском бурбоне.

– Знаю, ты меня ненавидишь. Думаешь, что я убил твоего брата нечестно – так ведь?

– А то нет, что ли?

– Если между нами, то да.

Фут не сразу нашелся с ответом.

– Так я и думал, – сказал он наконец, силясь изобразить праведный гнев.

– Мне помнится, ты брата не слишком любил.

– Терпеть не мог сукина сына и хотел, чтоб он сдох, но при чем тут это? Я не позволю мочить моих родных вот так

походя. Это бы дурно выглядело.

– Так вот, я хочу предложить тебе возмещение.

– Интересно какое?

– Ты получишь две вещи, которые любишь больше всего.

– Это какие же?

– Первая – это деньги.

– Деньги, – сладким как мед голосом повторил Фут. – Ты хочешь дать мне денег? – Он даже несколько просветлел.

– Нет, конечно. Это значило бы унижить тебя.

– Да, пожалуй, – погрустнел Фут.

– Я предлагаю тебе заработать их.

– А-а, – столь же разочарованно протянул Фут.

– Делая то, что ты любишь больше всего после денег.

– И что же это?

– Подстава.

Фут откинулся на спинку стула, думая, что в жизни все-таки есть хорошее. Бывают дни, когда все оборачивается в твою пользу и удача приходит откуда не ждешь.

– Ты хорошо меня знаешь – что верно, то верно.

– Да. Без подстав ты и дня бы не прожил.

– В корень зришь. Мне и психиатр говорит, что это необходимо для моей эмоциональной стабильности. Говорит, что и убийство сгодилось бы, но тут ведь тебя самого пришить могут. Ты не обижайся: каждому свое, вот и все.

– И не думал. Я заплачу тебе пять тысяч долларов за то, что тебе понравится.

– Десять мне бы понравилось еще больше.

– Сойдемся на семи пятистах – мы ведь старые друзья, несмотря ни на что?

– Заметано. Кого надо подставить?

– Приятеля твоего. Микеланджело Альбани.

– Не. Друзей предавать нехорошо.

– А кого ж еще можно предать, по-твоему?

– Это да... Ты башковитый мужик.

Лувейн, скромно пожав плечами, стал излагать свой план.

Фут выслушал и в последнюю минуту снова заколебался.

– Уж очень паршиво придется Альбани. Если он и на этот раз оплошает, то обанкротится – а тебе известно, что это значит.

– Для того чтобы он получил премию и рекламу, которые ему так нужны, надо, чтобы его клиент Гарольд меня ухлопал. Вот такая альтернатива. Тебе-то что, если он обанкротится?

Фут пораздумал.

– Вообще-то, если он станет госрабом, я смогу Терезу заполучить. Ты ее видел, нет? Он ее дома держит, хитрая сволочь, а она такая вся...

Лувейн прервал его, нетерпеливо махнув наманикюренной рукой.

– Я тебя не баб обсуждать позвал. Мы говорим о деньгах и подставе.

– Ладно, я весь твой. Что делать-то надо?

Лувейн подошел к стене, где под стеклом, в серебряных рамках висели его наградные листы. Снял один, вынул грамоту, дал ее Футу, повесил рамку на место.

– Знаешь, что это?

– Карта предателя. В руках никогда не держал, но знаю.

– Слушай меня внимательно...

На следующее утро Альбани, узнав через свои источники, что Лувейн взял свой бронированный «Мерседес» и поехал с несколькими закадычными друзьями на загородную виллу устроить предсатурнальную вечеринку, затребовал в Информационной Егерской Службе план виллы и карту окрестностей. Вилла, как он и опасался, очень хорошо охранялась, но тут один его информатор сообщил по телефону интересную новость. Друг Альбани, Хортон Фут, заполучил каким-то образом карту предателя и хочет ее продать.

Карта предателя! Именно такого прорыва и ждал Альбани. Он попытался дозвониться до Фута, но у того отключили телефон. Тогда он стал звонить информаторам, и кто-то сказал, что Фута видели у зоопарка в длинном черном плаще, надеваемом в дни особо злостной хандры. Фут будто бы до того дошел, что хочет скормить себя львам, но боится, что даже звери его жрать не станут. Другой осведомитель видел Фута в Южной гавани: тот прислонился к причальной тумбе и созерцал плавающий мусор, явно желая слиться с ним воедино.

– Похоже, он совсем плох, – сказал Альбани Гарольду во время ланча. – Собирается покончить с собой, а нам это на руку. Купим у него эту карту по сходной цене.

– Не понимаю, – сказал Гарольд. – Что это за карта предателя?

– Правительство выпускает их иногда. С ней можно сделать предателем самого верного человека. И пройти на виллу Лувейна так, чтобы тот не узнал.

– А потом?

– Потом ты, само собой, его шлепнешь. – Альбани посмотрел на часы. – Уже три? Надо поторопиться, чтобы успеть к вечеринке. Завтра с утра, говорит мой агент, Лувейн вернется в город готовиться к сатурналиям. Чтобы застать его врасплох, надо проникнуть на виллу сегодня вечером. Худо нам будет, если такой шанс упустим.

– Ладно, я готов.

– Сначала Хортона Фута надо найти. Разделимся: я посмотрю, нет ли его в зоопарке, а ты в гавани поищи. Как только получим карту, поедem разбираться с Лувейном.

Альбани сел за руль в подавленном настроении. Он подозревал, что опять связался с неудачником, поставил последние деньги на идиота, который так туп, что ничего не боится и не понимает, когда надо хвататься за подвернувшийся шанс.

Правда, новички иногда на удивление хорошо расправляются с опытными охотниками. Есть в атмосфере Эсмеральды нечто расслабляющее, заставляющее давних обитателей острова забывать об опасности.

Но Лувейн ее влиянию не поддался, изобретательности и осторожности не утратил. Одно из его ранних убийств было своего рода шедевром. Переодетый хирургом, он пристрелил свою жертву, меланхоличного латыша, в операционной больницы Сестер Милосердия, не дав ему открыть огонь из двуствольного протеза. Что может Гарольд противопоставить чему-то такому? Не стоит ждать по-настоящему стильного убийства от деревенщины – разве что карта предателя поможет.

Думая обо всем этом, Альбани вел машину на автомате, почти не обращая внимания на дорожные знаки, и спохватился, лишь когда позади завывла сирена. Он затормозил у обочины, полицейская машина подъехала, вышел дорожный инспектор в наглаженной форме хаки, начищенных черных

ботинках, темных очках. На портупее у него висели две кобуры с пистолетами калибра 44 «магнум».

– Сбавили немного? – осведомился он с обманчивой мягкостью. – Не видели знака?

– Видел, офицер. «Опасный поворот, прибавить скорость». Я и собирался прибавить, да нога соскользнула с педали и тормоз заклинило. С каждым может случиться.

– Я за вами следил. Вы ехали по городу на недопустимо низкой скорости. Насмехаетесь над законом о неосторожной езде?

– Что вы! Я один из самых бесшабашных водителей на всем острове!

Полицейский, слышавший все это не раз, осмотрел машину на предмет положенных неисправностей. К несчастью для Альбани, все фары и поворотники у него работали, откровенно нарушая закон.

– Понятно, – сказал полицейский. – Ставлю вам таймер нарушителя. – И подключил что-то к компьютеризированной приборной панели.

Альбани молил об отсрочке и даже взятку хорошую предлагал, но ему снова не повезло: сегодня был вторник, иначе говоря, День без взяток.

Напоследок полицейский удостоверился, что ремень не пристегнут.

– Удачи, приятель. У вас всего десять минут штрафных, а движение сейчас не особо сильное.

Прибор вдавил в пол педаль газа. Машина рванула с места, воняя горелой резиной.

Вести о штрафниках разносятся быстро. Легковушки, грузовики и автобусы заезжали на тротуары, пешеходы шмыгали в спецубежища. Альбани мчал во всю прыть «Ламборгини», чудом вписавшись в левый поворот на выезде из города. Его вдавило в сиденье. Когда включилась команда вихляния, его вынесло с автострады в поле, а оттуда на другое шоссе. Он боролся с рулем, как с питоном, и жал на тормоза, стараясь их не спалить.

Близился кульминационный момент: в ста ярдах виднелась пробка, заполонившая всю дорогу в пределах видимости. Альбани поставил машину на два колеса и зажмурился.

Но тут штрафное время истекло, педаль газа отскочила назад. Альбани быстро выпустил парашют, которым снабжены все автомобили на Эсмеральде, и остановился в паре футов от пробки.

До зоопарка он ехал на черепашьей скорости. Водители, пережившие штрафное ускорение, награждаются сутками сколь угодно медленной езды, и двадцать миль в час Альбани вполне устраивали.

Служитель зоопарка долго раздумывал, и лишь пятидолларовая купюра помогла ему вспомнить человека, похожего на Хортон Фута. Тот посетитель долго стоял у клетки с бабуинами, но ушел с полчаса назад.

На обратном пути Альбани нарушил достаточно правил, чтобы удовлетворить самого взыскательного инспектора, а Гарольд тем временем наводил справки в гавани. Фут, по слухам, часто бывал в салуне-ночлежке Маллигана «Последний шанс», высоком узком здании у самого порта.

– Фут? – повторил хозяин. – Маленький такой, щуплый, в длинном черном дождевике? Да, захаживает – но где он теперь, не знаю.

– Мне он срочно нужен.

– А вы посмотрите в рыбных рядах, угол Лейкхерст и Вианд. Фут иногда нанимается рыбу чистить, когда свинокомбинат закрывается.

В порту стояли на якорях корабли с Кубы, Гаити, Багамских островов, чайки кружили на фоне заката, мелкие суденышки покачивались, скрипя мачтами. Многие пришли сюда к сатурналиям, канун которых отмечался сегодня вечером. В гавани будет процессия судов, иллюминация, фейерверк.

Старый оборванец, сидевший на тумбе, на вопрос Гарольда произнес следующее:

– Фут? Хортон Фут? Кто знает ночного тумана путь, знает его привал.

– Чего? – сказал Гарольд.

– Киплинг. Вам позарез надо его найти?

– Да.

– И двадцать баксов не пожалеете, раз позарез?

Гарольд заплатил, и старик повел его по извилистым улицам старого города. Здесь несло помоями из сточных канав и скворцы дрались с крысами из-за отбросов. Женщина высоко на балконе пела жалобную, старую как мир песню о том, как грустно стирать целый день, зная, что твой мужчина больше не вернется домой.

Местные жители, одни мордатые и небритые, другие узколобые самого гнусного вида, торчали в дверях, покуривая глиняные трубки, – им явно недоставало Гольбейна, который бы с удовольствием написал их портреты. Газовые фонари, окруженные ореолом, взяли будто из фильмов жанра нуар, где играл злодеев Лэрд Крегар. Только что кончилась вечерня в церквях, и синие сумерки переходили в полную шепотов безысходную ночь.

– Вон он, – сказал старик и растворился в боковом переулке.

Гарольд посмотрел в указанную сторону. За уличным столиком кафе, из-за ярких огней и зеркал казавшегося шикарней, чем в реальности, сидел человек в длинном черном дождевике и пил, при ближайшем рассмотрении, лаймовый рики. Рядом попивал негрони не кто иной, как Микеланджело Альбани.

– А, Гарольд, – сказал он. – Присаживайся. Я только что

сам пришел. Хортон, это мой друг Гарольд Эрдман – ему твоя карта предателя тоже без надобности. – «Подыграй», – яснее всяких слов говорил его взгляд.

– Это точно, без надобности. – Гарольд подвинул себе стул, сел и спросил у Альбани: – Что новенького?

– Мне поставили таймер осторожного водителя, представляешь? А тут еще вторник без взяток, уж везет так везет. Ну что ж, что-то теряешь, что-то находишь. А ты что поделивал?

– Эй, ребята, – вмешался Фут, – думаете, у меня своих источников нет? Я точно знаю, что вы хотите купить эту карту.

– Насквозь меня видишь, Фут, – сказал Альбани. – Да, я хочу ее купить, но не сейчас. Недельки так через две, через месяц я смогу сделать тебе хорошее предложение.

– Слишком долго для меня.

– Да, я слышал, – с искренним сочувствием сказал Альбани.

– И ты, мне сдается, тоже не можешь ждать столько времени.

Гарольд, не умеющий торговаться, откашлялся.

– Ну и сколько ты хочешь? – спросил Альбани.

– Двести долларов.

– Идет, – сказал Гарольд.

Альбани посмотрел на него с укором, но тот уже доставал бумажник.

– Я бы сбил до пятидесяти, – заметил Альбани, когда они

отошли подальше.

– Так ведь время-то уже позднее.

Альбани посмотрел на часы и впервые заметил, что на дворе в самом деле ночь.

– Черт! Надо спешить, если мы хотим попасть на виллу до завтра! А мы еще даже не придумали, кем нам переодеться!

Джасинта круто остановила свой красный спортивный автомобильчик перед городским домом Лувейна в коротких, но прекрасных островных сумерках. В глазах ее отражался не вечер – в них пылал гнев.

Хлопнув дверцей, она зашагала к дому со всей быстротой, доступной в мини-юбке и тугом жакетике-болеро. В квартиру звонить не стала – открыла дверь ключом, который дал ей Лувейн в более светлую пору их отношений.

– Лувейн? – Ответа не было, лампы внутри не горели. Она включила свет и прошла в его гардеробную. Недоставало верблюжьей куртки, твидовой шляпы и трости-штатива. Значит, Лувейн действительно уехал на виллу, как ей доложили. Без нее! Не сказав ей ни слова! То, что это может быть связано с дуэлью, не оправдание. Взял с собой десяток приятелей, а ее не позвал.

Ярость не мешала ей размышлять, с чего он уехал так внезапно и почему все-таки без нее, если отбросить все личное. Она уселась в избыточно мягкое кресло и закурила сигарету с легким наркотиком.

Ей вспомнилось, как Лувейн называл Гарольда идеальной жертвой, – и смотрите-ка: компьютер из многих тысяч комбинаций выбирает ему в пару именно Гарольда. Подозрительно что-то. И почему он уехал на виллу с кучей друзей,

а ее не взял? Хорошо, давайте порассуждаем. Лувейн хочет заманить Гарольда на свою вечеринку, но Гарольд со своим егерем тоже не дураки. Он не поедет туда, где Лувейна хорошо знают и любят за щедрость.

Что-то здесь не сходится. Не хватает важной части головоломки – не понять только, какой именно. Джасинта начала расхаживать взад-вперед, и взгляд ее упал на стену, где висели грамоты и трофеи Лувейна. Все верно: маленькая серебряная рамка пустует. Вспомнить бы еще, что в ней было. Она уже собиралась выбросить все это из головы, но по наитию сняла с гвоздя рамку. На обороте четким почерком Лувейна было написано: «Эту карту предателя я унаследовал от дяди Освальда, мир его праху».

Лувейн забрал свою карту предателя! Интересно. Но против кого он хочет ее использовать, ведь на вилле будут только его друзья? Тайна сгущается – надо выпить.

Рядом с баром стоял телефон, а рядом лежал блокнот, где Лувейн нацарапал имя и номер. Хортон Фут. Один из его врагов. Опять непонятно: зачем Лувейну звонить тому, кто, как все знают, люто его ненавидит?

Джасинта сделала еще затяжку, села опять, и ответ пришел сам собой. Лувейн очень хитрый. Никто не заподозрит, что Фут работает на него, вот зачем.

Значит, так. Лувейн встретился с Футом и хорошо ему заплатил, чтобы тот продал карту предателя Гарольду. Гарольд, думая, что у него есть хороший козырь, поедет на вил-

лу, и Лувейн его там убьет.

Подлость какая. Наметил Гарольда как подходящего противника, устроил как-то, чтобы их свели вместе, а теперь в засаду его заманивает. Военная хитрость вполне допустима, но такие вот штуки противоречат духу Мира Охоты. Лувейн потому ее и не взял – боится, что она догадается о его планах.

Она достала телефонную книжку Лувейна и тут же нашла в ней Гарольда. Честным путем Лувейн никак не мог так быстро узнать, кто на него охотится!

Она набрала номер, и ей ответила Нора – это был ее телефон.

– Меня зовут Джасинта Джонс. Вы меня не знаете, но мы с вами виделись на балу. Вы друг Гарольда, верно?

– Да, а в чем дело?

Джасинта коротко рассказала ей о своем открытии.

– Я сама друг Лувейна, но он играет нечестно. Мошенничает. Поэтому я говорю это вам, а вы передайте Гарольду, чтобы остерегался.

– О господи. Очень надеюсь, что еще успею его задержать. Они отправляются за город из дома Альбани. Сейчас позволю туда. Спасибо, Джасинта!

Нора в голубом халатике, с еще мокрыми после мытья волосами, набрала номер Альбани. Ответила Тереза.

– Мне нужно поговорить с мистером Альбани или с Гарольдом.

– Они внизу, в подвале. Говорят о делах. Мне ни под ка-

ким видом не позволено их беспокоить. Кто это?

– Нора Олбрайт. Гарольд у меня останавливался, он мой земляк.

– Да, он о вас говорил. Что ему передать? Я скажу, чтобы он позвонил вам, как только освободится.

– Это срочно. Я только что узнала, что его хотят обмануть с помощью карты предателя. Какой-то Хортон Фут продал ее Альбани, но это ловушка, подстроенная Лувейном! На вилле будет засада!

– Матерь Божья, только не это! Майку нельзя терять еще одного клиента!

– Так позовите кого-нибудь из них к телефону.

– Извините, но их нет. Я вам соврала.

– Зачем?

– Майк велел. Чтобы все думали, будто они еще в городе.

– Значит, они уже уехали?

– С полчаса назад. Что же нам делать? Сообщить властям, чтобы остановили дуэль?

– Нет. Лувейн законов не нарушал, он просто нечестно играет. Дайте подумать... Все, закончим разговор. Есть одна мысль.

Нора повесила трубку. С Гарольдом и Альбани связаться нельзя, на виллу вовремя не успеть. Остается только одно – авось сработает. Она набрала «Шоу Мира Охоты».

Ездить на чем-то кроме своей машины Альбани не любил. Жизнь слишком коротка, чтобы обходиться без «Ламборгини», считал он, но профессионализм возобладал над личными вкусами. Он наспех подобрал для себя с Гарольдом костюмы и грим, и они поехали на Центральный вокзал, где как раз успели сесть на поезд 7.15 до Санта-Марты, около которой и находилась вилла Лувейна.

Поезд был набит крестьянами в черном, везущими в плетеных корзинах два основных эсмеральдских продукта – салями и плоды хлебного дерева.

Отцы-основатели Мира Охоты поначалу хотели выселить с острова всех коренных жителей и начать все сначала в демографическом отношении, но после продолжительных дискуссий решили, что острову все же необходимо крестьянство. Но не какое-нибудь, а образцовое, довольное своей участью и не завидующее окружающему богатству и роскоши. Основатели понимали, что такое крестьянство обойдется недешево, но за старомодную услужливость, столь ценную в современном мире, стоило заплатить.

Всесторонне изучив вопрос, власти остановились на крестьянах в беретах из Южной Европы. Связались с испанскими и итальянскими кадровыми агентствами, прочесали Андалусию и Медзоджорно и отправили лучших кандидатов в

швейцарский Цуг, в знаменитую крестьянскую школу.

Крестьяне на Эсмеральде исполняли чисто декоративную функцию. Тяжелыми работами – пахотой, прополкой, севом, уборкой урожая и уходом за скотом – занимались государственные рабы. В обязанности крестьян входили исключительно пляски по воскресеньям и питье слога – смеси вина и пива, которую эсмеральдийские производители тщетно пытались разрекламировать.

Мужчины, кроме того, похвалялись своим достатком и силой, предоставляя женщинам жарить на вертелах свиные туши, фаршированные кукурузными початками.

Носили они традиционные костюмы, разработанные Джикки из Голливуда: пышные юбки, туго зашнурованные корсажи, мешковатые штаны. Проблемой, как всегда, были дети, но в подростковом возрасте их отправляли в кашмирские торговые школы, что вполне всех устраивало.

Внимательный наблюдатель мог бы заметить две фигуры в плащах, сошедшие с поезда в Санта-Марта-дель-Кампо, деревне милях в пятидесяти от города. Неизвестные отправились напрямик в «Голубой Бофор», самую большую деревенскую таверну, и перемолвились парой слов с хозяином. Один из них, высокий, красивый, с накладной бородой, показал ему что-то. Хозяин вытаращил глаза и спросил с хитрецой:

– А мне-то чаво? – Он учился на курсах деревенских трактирщиков в северной Англии, что сказывалось на его речи.

– Нам нужен Антонио Фериа, – сказал бородач.

– Так он занят, вечеринку обслуживает на горке – знаете небось?

– Знаю. – В руке незнакомца возникла хрустящая ассигнация. – Вот и позови его сюда, друг любезный.

Хозяин принял купюру, низко поклонился и пошел к телефону.

Юный Джанго Фериа, придя из школы, обнаружил в материнской гостиной двух незнакомцев. Один высокий, красивый, с накладной бородой, другой еще выше, брюнетистый и весь в черном, в мягких коротких сапожках. Его светлые северные глаза, глядящие с ледяной беспощадностью, поразили Джанго, и он спросил:

– Это кто?

– Помолчи, – сказал отец, надевший, как сразу заметил сын, чистую рубаху с бахромой, приберегаемую обычно для поминок и больших праздников. Джанго смекнул, что незнакомец, должно быть, важная шишка, но вдумываться в это не стал – в сельской школе его учили не думать, если тебя об этом не просят. Тут как раз вошла его старшая сестра Миранда и встала в дверях, как живая картинка, потряхивая своей буйной гривой, – для крестьянки высокая, для аристократки не очень. Сквозь тонкую сорочку просвечивали маленькие острые груди; ноги, скрытые длинной тяжелой юбкой, оставляли куда больше простора воображению.

– Ты что натворил, отец? Кто эти люди? – В ее голосе звучала тревога, но глаза давали понять, что она не станет противиться, если ее отдадут одному из этих мужчин, а то и обоим – только не одновременно, что нет, то нет.

Антонио Фериа, потирая небритый подбородок, налил се-

бе стаканчик узетты. Ярость в нем боролась с апатией.

– Все очень просто, – проворчал он. – Пойдешь вот с ним, – он указал беспалой правой рукой на Гарольда, – на праздник к сеньору Лувейну. Он будет подавать цыпленка терияки вместо Джовио – тот в деревне недавно, сеньор Лувейн не знает его, – а ты, как обычно, лепешки на сале. Понятно?

– Он тоже у нас будет жить, в деревне? – спросила Миранда, с интересом глядя на Гарольда.

– Нет. Он охотник, приехал издалека.

– На кого же он охотится?

Антонио страдальчески отвел взгляд, налил себе еще и сказал:

– На патрона. Лувейна.

– Отец! Ты хочешь предать сеньора Лувейна, который сделал столько добра и нам, и всей деревне?

Антонио пробурчал что-то и пошаркал ногами по земляному полу. Он уже износил несколько пар башмаков типа «свиная ножка», купленных задешево на рынке в Санта-Каталине, шаркая в них по двору.

– Разве у меня есть выбор? – спросил он. – У него карта предателя, а ты знаешь, что полагается за отказ кого-то предать, когда тебе такую показывают.

– Да, похоже, выбора у нас нет, – согласилась Миранда. – Но как мы через охрану его проведем?

– Он предъявит удостоверение Джовио.

– Так в Джовио расту всего пять футов!

– Значит, он сгорбится. А ты повилляй охранникам бедрами – ты знаешь, как это делается, мне соседи рассказывали. Покажи ему заодно, как шаркать ногами.

– Ладно, пошли, – сказала Миранда Гарольду. – Посмотрим, что можно сделать.

– Ну, я пошел, – сказал Гарольд Альбани.

– Помнишь планвиллы? В поезде мы не успели как следует его изучить – там все дрались из-за сэндвичей и дурацкий заклинатель змей притащился.

– Ничего, я помню. Ты правда думаешь, что это сработает?

– Конечно. Он ничего не заподозрит, пока ты не продырявишь его. Помнишь, как активировать костюм хамелеона? Револьвер у тебя заряжен?

– Само собой. Ты где будешь?

– Вернусь в таверну. Попью кофе и погрызу ногти, пока ты не доложишься.

– Или пока кто-то другой не придет с докладом.

– Не говори так, не к добру это. Счастливо тебе. Ни пуха ни пера, как охотники в старину говорили.

Миранда взяла Гарольда за руку.

– Идем уже, – сказала она – на удивление женственно, хоть и резко.

– Нет. Согнись пониже и ногами вози что есть мочи.

Репетиция проходила в спальне Миранды, маленькой хижине ровно в двадцати ярдах от ее отчего дома. Такое расстояние предписывалось всем деревенским невестам, кроме особо религиозных. Крестьянскую походку Гарольд за один вечер освоить, конечно, не мог; в цугской школе одним поклонам отводился целый семестр. Слава богу еще, что ему не надо учить тонкости, зависящие от социального статуса: вряд ли им поздним вечером кто-то встретится. Пьяные охранники в двубортных полосатых пиджаках тоже авось ничего не заметят – им бы только сигареты смолить да к девкам цепляться.

– Так лучше? – спросил Гарольд, скрючившись в три погибели.

– Похоже на футбольного вратаря.

– А так?

– Теперь ты вылитый медведь, подпертый рогатиной: убьешь каждого, кто к тебе сунется.

Гарольд выпрямился, потягиваясь.

– Спину посадишь с вашими крестьянскими штучками.

Миранду помимо воли восхищали его мужественные стати. Каприести дель дну, да и только – есть такое старинное выражение. До чего же хорош. Задержав на нем взгляд чуть

дольше, она отвернулась, а он – надо же – вдруг подошел совсем близко. Запах мужского пота, смешиваясь с ароматами жасмина и бугенвиллеи во мраке тропической ночи, будоражил кровь.

– Когда нам на банкет-то идти? – спросил он после головокругительной паузы.

Электрические искры в ее глазах посылали ему вызов, не поддающийся разгадке и не требующий ответа, сигнал древний и двусмысленный, как сама жизнь.

– Не к спеху, можно и через час, – четко произнесла она, скрывая свое томление.

– Значит, пока можно и отдохнуть, – сказал Гарольд и прилег на кровать.

Миранда помедлила. С невинностью не каждый день расстаешься, ну его совсем, этого здоровенного увальня. Но страсть, приобщающая ее к истинной природе вещей, победила, и она легла с ним рядом, еще не зная, что в этой слабости вся ее сила.

– Ах ты, мерзавец этакий. – Ее губы скользнули вдоль длинной стрелки его носа к желанному рту.

В мире, где нет табу на секс, пьянство, наркотики и убийства, не совсем понятно, что надо делать на вечеринке – ты это и так каждый день делаешь. Нечто новенькое – вечная проблема устроителей вечеринок на Эсмеральде.

Древнеримский патриций со столь же высокими моральными устоями, как современный охотник, мог, например, подать гостям редкостное и неудобоваримое блюдо вроде язычков павлина, начиненных трюфелями, на рубленном рабском жире. Это не выдумка – такой рецепт содержится в папирусе, найденном в Геркулануме.

Достойному римскому гостю полагалось съесть этот деликатес без остатка, после чего освободиться от него посредством рвоты, прополоскать рот, помочиться и быть готовым к следующему блюду. Недоставало им тонкости, этим римлянам.

Лувейн, решая эту проблему, не уступал дадаистам в своем стремлении эпатировать буржуа. Поскольку на Эсмеральде запретов нет, приходится идти путем парадоксов и превращать возбуждающую щекотку в интеллектуальное упражнение. Следуя этому принципу, Лувейн изобрел знаменитый стриптиз наоборот.

Этому извращенному удовольствию предавались в парадной столовой сразу же после кофе и шербета. Гости сиде-

ли за столами, расположенными подковой. Слуги, снующие с внешней стороны, разносили блюда, разливали вино, предлагали кокаиновые дорожки (по-прежнему популярные, хотя кокс загадочным образом перестал вставляться – не сделавшись при этом дешевле – после его легализации в Штатах).

Все слуги были крестьяне из ближней деревни в праздничных костюмах – женщины в платьях с узким лифом и пышной юбкой, мужчины в коротких штанах. Гипотетический наблюдатель мог заметить среди них одного, выше и крупней прочих, неуклюжего даже по крестьянским стандартам. Под его тирольской курткой виднелась какая-то выпуклость – возможно, бутылка вина, которую он стащил, чтобы попотчевать дружков в деревенской таверне. А может быть, и нечто похуже – ужасная опухоль из тех, что крестьяне так охотно показывают туристам. Возможно даже, наплечная кобура со «смит-и-вессоном».

Но в тот момент все взгляды были прикованы к голой девице, поднявшейся на маленькую сцену в центре подковы. Она привезла с собой блестящий чемодан «самсонит» на колесиках. Ей вежливо похлопали, но не более: эка невидаль – чемодан, хотя бы и на колесах.

Она сексуальным жестом откинула крышку. Внутри обнаружился целый гардероб, и гости возбужденно зашептались, сообразив, что девушка собирается *одеваться*. Такое мало кому доводилось видеть.

Медленными, чувственными движениями девушка наде-

ла лифчик, трусики и чулки. Когда она задумалась о выборе платья и наконец облачилась в изделие из темно-желтого шелка, заново открывшее ее соблазнительные округлости, интерес зрителей достиг апогея – подлинного или притворного, трудно сказать. Все понимали, что лезущую вверх кривую эротики можно – теоретически – обратить вспять и получить утонченное наслаждение от сокрытия. Весь секрет этого процесса, как и многих других, заключался в умении чувствовать то, что от тебя ожидают.

Даже самые бесчувственные прониклись, когда артистка, теперь одетая полностью вплоть до длинных белых перчаток, собралась накинуть меха. Гости, догадываясь, что их ожидает нечто эстетическое, намеревались использовать это нечто на всю катушку.

Девушка, закутавшись в голубые русские соболя, поклонилась и сошла со сцены в сопровождении бурных аплодисментов. Лувейн не подкачал и на этот раз.

Вскоре после этого вечеринка закончилась. Все хотели попасть домой пораньше, ведь завтра их ждал большой день: игры в Колизее, мотористы, клоуны-самоубийцы и, наконец, Большая Раздача, знаменующая начало сатурналий.

Сначала разъехались гости в сверхмощных лимузинах, за ними слуги в малолитражных «Фиатах». Лувейн уже удалился в спальню, собираясь рано встать утром. Автоматически включилась сигнализация, огни погасли, настала ночь.

Ночь окружила виллу – загадочная, всепроникающая, неумолимая, вкрадчивая в своем незрячем коварстве. Деревья, слабо освещенные звездами и тонким серпом молодого месяца, чернели на сером фоне. Еще чернее было внутри, в кухне и кладовой. Случайная молния, редкая в это время года, высветила мешки с картошкой в углу. Один из них шевелился.

Гарольд скинул с себя мешок. Лакейскую униформу он снял еще раньше, оставшись в костюме хамелеона – Альбани в последний момент умудрился найти подходящий ему по размеру.

Хамелеонский костюм, называемый также костюмом ниндзя или невидимки, значительно превосходил качеством зелено-бурый камуфляж старых времен, полезный разве что в лиственном лесу, да и то в сумерки. Хамелеонский, в отличие от него, обеспечивал защиту в любой среде.

Он представлял собой облегающее трико из стекловолокна с капюшоном и маской. Фотоннозащитный материал, сшитый с помощью лазера, способен принимать все цвета и оттенки своего фона.

Всего эффективнее он, конечно, ночью, поскольку черное – идеальный фон. При ярком освещении костюм может отличаться от своего окружения на пять-десять спектраль-

ных линий. Случаются также необъяснимые голубые вспышки, выдающие носителя с головой.

Костюм снабжен, разумеется, настроечным механизмом. Новейшая модель Гарольда автоматически переключалась с матового на блестящий режим.

Гарольд тихо прошел через темную гостиную с верным «смит-и-вессоном» в руке, перенимая трепещущую светотень комнаты.

Тихое рычание заставило его замереть. В инфракрасных очках проявился контур доберман-пинчера. По злобному изгибу спины Гарольд заподозрил в нем знаменитый подвид бешеных убийц, которых боятся все, включая хозяев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.